

SAMMLUNG

DER

Kommission für Auflese von Wörtern und Studium der Dialekte der Komisprache

Herausgegeben von V. I. LYTKIN.

Heft II.

Посвящается десятилетию
Автономной области коми.
(5 мая 1931 года).

СОДЕРЖАНИЕ.

Страница

В. И. Лыткин. „Очередные задачи строительства коми литературного языка“	5
Гр. Нечаев. „Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам коми округа“	14
В. И. Лыткин. „О говоре древне-коми письмен“	33
Г. А. Старцев. „Парне-девичий условный язык у коми“ (за-метка)	52
Библиография. „Книги и статьи о коми языке, вышедшие в 1929 и 1930 годах“	54
Хроника. Вопрос латинизации коми и удмуртского алфавитов.	60

Фольклорный отдел.

Нижне-вычегодские свадебные причитания. Жешарт. (Зап. В. Лыткин)	64
Из причитаний Палевицкой волости. (Зап. А. С. Сидоров).	67
Лузско-летские тексты. Нижняя Луза	74
Ношульские свадебные причитания (зап. А. С. Сидоров) . .	
Летка. „Ванька“ (сказка).	96
Кочево. Ізасовӧй сар (зап. Гр. А. Нечаев)	99
Исправления	104

Очередные задачи строительства коми литературного языка.

...„поставить разработку литературного языка в отношении и лексики и техники (морфологии и синтаксиса) с использованием одинаково всех разновидностей ...языка, как равноценных его представительниц на различных ступенях развития, а не с подходом к тому или иному наречию, как обычно мнится, основному, при взгляде на другие диалекты, как искажения, свойственные отсталым районам“.

Акад. Н. Я. Марр. („Первая выдв. экспед. по обслед. мариев“ 38).

Язык каждого социального слоя имеет свои особенности, отличные от языка других социальных слоев, например, язык кулака отличается от языка бедноты несколько иным словарным составом, особой эмоциональной окраской отдельных слов, общим стилем речи и т. д., язык дворян еще резче отличается от языка пролетариата и т. д. Такие диалекты в отличие от территориальных диалектов, как известно, называются социальными диалектами. Литературный язык является также социальным диалектом, а в классовом обществе он является классовым диалектом. Господствующий класс, в руках которого обыкновенно находится литературный язык, являющийся одним из могучих орудий господства, создает его по своему образу и подобию. Этим и объясняется та коренная ломка в языке, которой подвергается после революции литературный язык, унаследованный от дореволюционного господствующего класса. Достаточно сравнить

русский литературный язык дореволюционного времени, где бытовали такие слова, как „господин“, „благородие“, „барин“, „урядник“, „городовой“ и т. д., с языком советских газет со словами: „колхоз“, „ударничество“, „ким“, „комсомол“, „нацмен“ и т. д., чтобы убедиться в том, что мы имеем дело с коренным изменением этого буржуазного наследства.

Коми буржуазия в силу исторических условий не сумела создать литературного языка, которым пользовались широкие слои населения и который могли бы унаследовать трудящиеся после революции. Попытки создать коми литературный язык были, начиная с миссионера Стефана (XIV в.) и кончая известным ученым Г. С. Лыткиным (сконч. 1907 г.), но ни один из этих литературных языков не получил широкого распространения. Поэтому после революции коми литературный язык пришлось начать создавать сызнова.

Строители коми литературного языка первых годов революции находились всецело под влиянием буржуазной идеалистической теории построения литературного языка, которая гласила, что строить нужно литературный язык обязательно на одном говоре, нельзя взять в грамматику литературного языка ни одного явления из других говоров, хотя бы и весьма распространенных. Такая теория построения литературного языка находится в непосредственной связи вообще с идеалистическим пониманием языка, как некоторой стихийной силы.

Новое учение о языке (яфетидология) смотрит на язык не как на самоцель, а как на средство, как на орудие, поэтому считает не только возможным, но и необходимым сознательно вмешиваться в языковый процесс, руководить этим процессом, совершенствовать это орудие воздействия на широкие слои трудящихся, а не слепо поклоняться перед этим орудием.

Таким образом у нас в вопросах языкового строительства совершенно иная установка, в корне отличная от установки старого учения о языке, выросшего в обстановке буржуазной национальной политики. Установка старого учения о языке хорошо применялась к нацменам,

у которых литературный язык создавался в буржуазной обстановке (сербы - лужичане и т. д.). Эта теория нам не применима и нет необходимости подражать практике создания литературного языка нацмен буржуазного строя. Нам необходимо учитывать практику созидания литературного языка у нацмен СССР.

В настоящее время, когда Север, в частности Коми край, совершенно перерождается, когда втягиваются в строительство социализма широчайшие массы коми бедняков, батраков, середняков и зарождающегося пролетариата, когда мы строим коми по форме и пролетарскую по содержанию культуру, ударными темпами проводим комизацию аппарата, происходит ликвидация неграмотности и т. д., особенно серьезное внимание следует обратить на вопросы строительства коми литературного языка, этого мощного орудия стройки социализма, сделать его массовым языком, понятным широким слоям трудящихся всех коми говоров, приспособить к задачам социалистического строительства.

Какие же задачи перед нами стоят на участке этого фронта, на участке языкового строительства? Во-первых, необходимо окончательно установить нормы литературного языка. История этого вопроса такова: в первые годы революции коми литературный язык создавался почти исключительно на сыктывкарском говоре без учета особенностей других говоров. 2-я конференция коми ассоциации пролетарских писателей летом 1928 г. постановила расширить языковую норму, признав равноправным все говоры коми языка в отношении словарного запаса. Коми лингвистическая конференция 1929 г. вынесла решение о признании равноправными не только словаря, но и некоторых суффиксов отдельных диалектов. За сыктывкарским говором осталась только фонетика. Кроме того эта конференция вынесла пожелание, в некоторых случаях, в целях упрощения орфографии, при созидании литературного языка выйти за предел фонетики сыктывкарского говора. Это первые и весьма робкие шаги отхода от вышеупомянутого положения, что „в основе литературного языка должен стоять один территориальный говор“.

Нужно констатировать, что, несмотря на постановления вышеозначенных конференций, все же элементы других говоров в коми литературу весьма и весьма мало привлекаются. Это объясняется отчасти нежеланием литературных работников-сыктывкарцев выйти за пределы своего диалекта, но главным образом незнанием говоров коми языка. Вот почему делаем мы (наша комиссия) главное ударение на изучение говоров коми языка. Это наша первоочередная задача в области строительства коми литературного языка. Без знания говоров мы не построим литературного языка, понятного широким слоям трудящихся всех говоров.

Коми литературные работники первых годов революции были представителями почти исключительно сыктывкарского и верхневычегодского (отчасти сысольск.) говоров. Почти совершенно не участвовали в строительстве коми литературного языка Нижняя Вычегода, Луза, Ижма, Вым и Удора (к сожалению, и теперь в недостаточной степени участвуют). Отсюда, некоторая (или вернее, ощущаемая) отдаленность современного литературного языка от этих говоров. Такое положение необходимо изжить. Но как? Не буду отвечать на этот вопрос здесь, так как в общих чертах ответ уже был дан выше (для детального же ответа нужно много места), я приведу только иллюстрацию из истории удмуртского (вотского) литературного языка, а именно—как создавалась основа современного удмуртского литературного языка.

Современный удмуртский литературный язык создан тоже после революции. Удмуртские литературные работники, которые являлись представителями более разнообразных говоров, чем у коми, и не думали вовсе о последовательном базировании на одном говоре. Здесь с самого начала созидания литературного языка была целевая установка—создать такой язык, который был бы максимально понятен трудящимся всех говоров. В этих целях они здесь одно явление (в отношении фонетики и морфологии) взяли из одного говора, другое—из другого, в некоторых случаях брали несколько разновидностей из разных говоров (напр., окончание винит. пад.

мн. ч. ыз, ты). Использовывали говорные варианты в целях упрощения орфографии, в целях, искусственной дифференциации значений (напр.: окончание иск. п. ысь взято из одного говора, окончание причастия ись—из другого, карысь—из города, карись—делающий) и т. д. Кроме того в удмуртской литературе мы видим широкое употребление говорных слов с приведением рядом с ними (в скобках, или в виде выноски) слов из других диалектов.

В общем и целом удмуртский литературный язык представителям отдельных удмуртских диалектов более понятен, чем коми литературный язык представителям коми говоров.

Норму современного коми литературного языка, по моему, нельзя еще признать удовлетворительной даже в том виде, в каком она представляется после лингвистической конференции. Необходимо, в целях приближения к отдельным говорам, в целях упрощения правописания, еще больше привлечь элементов из других говоров коми языка, учитывая распространенность этих элементов по говорам, степень упрощения орфографии от введения их в литературный язык и т. д. Я бы поставил здесь на обсуждение коми лингвистов и литературных работников, например, следующие вопросы:

1. Нельзя ли ввести в литературный язык употребление „л“ по-сыольски, т. е. вӧл, вӧллы, вӧлкӧд и т. д. Так говорит Сысола, Луза с Леткой, Печора, некоторые Верхневычегодские волости, Северная Кама и Зюздинский край*). Это облегчило бы также орфографию для Ижмы и Выми, а может быть и Иньвы. Пострадали бы от этого только Вычегда и Удора, да и для представителей этих последних диалектов введение этого „л“ не внесло бы большого затруднения, поскольку в определенном положении (перед гласным) этот звук имеется налицо и в этих говорах (вӧлӧн, вӧлыс и т. д.).

2. Нельзя ли упразднить вставочные звуки в именах**), т. е. писать так, как пишут камские коми: зыр—зырӧн,

*) См. нашу статью „Обзор коми диал.“ в „Зап. О-ва Изуч. Коми Края“, вып. 5.

**) См. нашу книгу „Материалы по коми грамматике“, 36.

пон—понён, зон—зоныс, dod—doфыс и т. д. Тогда бы орфография всех аналогичных слов была однообразна и проста. (Теперь мы пишем понјён—на Лузе говорят понмён, в Кобре—понён; пишем пыжён, на верхней Сыsole говорят пыжјён; пишем ыжа-межа, а на Выми говорят: ыжја—межја и т. д.). Достаточно пока этих двух вопросов. Повторяю, ставлю их только на обсуждение.

Кроме этих вопросов могут быть многие другие, касающиеся искусственного регулирования языка, происходящего или посредством привлечения в литературный язык соответствующие языковые явления из других диалектов, или посредством подведения исключения под общее правило и т. д.

Наряду с изучением территориальных диалектов необходимо серьезно заняться социальными диалектами, т. е. диалектами разных социальных слоев населения. В первую очередь следует заняться языком класса, строящего социализм на участке Коми края, языком зарождающегося пролетариата и колхозников, а также языком советской интеллигенции. Мы уже говорили, что коми литературный язык зиждется на них. Но, к сожалению, до сих пор очень мало сделано в отношении изучения социальных диалектов коми языка.

Другой большой вопрос—это вопрос о коми терминологии. С октябрьской революции для трудящихся коми открывается новая эпоха творческого периода. Наряду с формированием межговорного языка одновременно творится язык советского строительства, язык социалистической культуры. Коми язык, искусственно задержанный в развитии царской руссификаторской политикой, беден словами для отвлеченных понятий. Кроме того революция принесла массу новых понятий, для обеспечения которых не было слов.

Коми литературный язык держит ориентацию на передовую часть трудящихся, на деревенский актив, на колхозников, на зарождающийся пролетариат, но при этом учитывается то обстоятельство, чтобы не было разрыва между ними и массой деревенской бедноты и середнячества.

Но эта передовая часть трудящихся далеко не однообразна в отношении своего словарного запаса. Прежде всего мы имеем дело с такой прослойкой коми населения, которая, благодаря пассивному отношению к своему языку, стала говорить таким жаргоном, который не понятен трудовой массе, вроде: прежде чем начинитны раз-яснайтны сук феласо...

Такой обрусевший слой населения многих национальностей выдвигает теорию „интернационализма“, гласящую, что чем больше русских слов введем в язык национальных меньшинств, тем ближе будем к интернационализму. Тов. Сталин такой „теории“ дал достойную оценку, на XVI партс'езде, считая ее ничем иным, как самым настоящим великорусским шовинизмом при „жонглировании флагом интернационализма“.

Полярно противоположным направлением является пуризм, отрицающий всякие заимствованные слова, стремящийся создать литературный язык исключительно средствами своего языка. Пуристическая теория опирается обыкновенно на национал-шовинистические элементы.

Ни пуристическая, ни „интернационалистическая“ точки зрения для нас неприемлимы. При создании терминологии нужно с одной стороны—учитывать язык трудящихся масс, с другой—не нужно замыкаться в круг своей национальности, а необходимо направлять развитие литературного языка применительно к будущему интернациональному языку, необходимо организовать связь с этой будущностью. Эта связь уже имеется в виде наличия слов интернационального характера, вошедших в широкие слои трудящихся (коммуна, радио, социализм, коммунист и др.). Эти слова, для коми трудящихся, не являются чужими словами, они такие же родные, как и все слова языка коми.

Большую часть терминов приходится передать, конечно, средствами своего языка. Мы не будем здесь перечислять различные способы создания терминологии, отметим лишь, что для этого необходимо детальное изучение словарного состава всех говоров. Необходимо также где-нибудь в одном месте сосредоточить дело

создания коми терминологии. В настоящее время у нас специально над составлением терминологии никто не работает, поэтому на этом участке полный прорыв. Необходимо в кратчайший срок ликвидировать этот прорыв.

Следующий вопрос коми языкового строительства— это вопрос о **совместном и раздельном письме**. Коми лингвистическая конференция положила конец многодефисности коми письма. Это большой шаг вперед. Дефисы остались в ограниченном количестве. *) У меня возникает вопрос —имеется ли необходимость употребления дефисов перед такими частицами, как: нӧ, жӧ, тај, кӧ, ӧн, хотя конференция и высказалась в пользу этих дефисов (правда, конференция только „рекомендует“, а не обязывает). Вопрос слитного и раздельного письма слов до сих пор не разработан. Поэтому здесь мы встречаем разнобию не только в разных изданиях, но и у разных авторов одного издания, даже (весьма часто) у одного и того же автора. (вӧвзі, мазі, чушканзі — чушканзі, поншак — пон шак, ванізув — ва нізув, мӧссітувгаг — мӧс сітув гаг — мӧссітув гаг и т. д.).

Далее, необходимо не только поставить (много раз уже ставилось!) на повестку дня, но и разрешить вопрос о взаимоотношении двух коми литературных языков: областного и окружного. Нужно ли держать курс на единый коми литературный язык или нет? Если нужно, то надо наметить пути сближения или слияния, конкретизируя предполагаемые мероприятия. (Несмотря на многократные решения, о взаимном изучении литературных языков в школах, таковые не проводятся в жизнь. Вообще изучение диалектов в школах, хотя бы повышенного типа, поставлено плохо).

О латинизации современного националистического коми алфавита распространяться не буду, поскольку этот вопрос уже сдвинут с мертвой точки постановлением Обкома в октябре 1930 г. и идет работа по практическому применению латинского алфавита к коми письму. Принци-

*) См. „Матер. коми лингв. конф. Главн“. Сыктывкар. 1930. стр. 89.

пальное решение о латинизации вынесли также и удмурты. ВЦК Нового Алфавита при Президиуме ЦИК СССР разрабатывает унифицированный алфавит для коми и удмуртов. Думаю, что латинизация (или вернее унификация на латинской основе) алфавита не будет отложена в долгий ящик.

Далее несколько слов о стиле наших произведений. Мы, товарищи, не только скверно говорим по-коми, но и пишем ужасно скверно. Недостатками стиля мы страдаем все. Не на достойной высоте в смысле языка также и наши коми газеты и журналы. Приведу несколько примеров: Човжу участокын ужалысјас Шадрин да Јелькинлы вӧлі сетӧма категорическӧй предложеньӧ (нужно: ужалысјаслы, Шадринлы да Јелькинлы...); Вредительскӧй да кулакјас уж вылӧ ез вӧв сетӧма кадын чорыд отпор (надо: вредительскӧй (торкалана) ужлы да кулакјас ужлы...); тӧдмӧдны вӧрлеысјасӧс... Обисполкомлыс шуӧмнас да котыртны сы бердын ужалыс војтырсӧ (надо: Обисполком шуӧмӧн... сы бердӧ...) (Вӧрлеыс № 51); Лоины-ӧ организаторјасӧн тајӧ ыжыд уж вылас классӧвӧй врагјаскӧд вермасӧм куӧа да вӧрлеӧан став ужын ужалыс јӧзӧс кулакјас вылӧ наступајтны котыртӧмын (надо: кужисны-ӧ најӧ классӧвӧй врагкӧд вермасӧм могыс организујтны ужалыс јӧзсӧ, кужисны-ӧ вӧрлеӧан ужын ужалысјассӧ ставсӧ котыртны кулакјас вылӧ наступајтны). („Комі комсом.“ № 52).

Стиль не ради стиля конечно. Мы поднимаем вопрос о стиле в практическом разрезе. Язык, подобный вышеприведенным отрывкам; трудно понятен, или совсем непонятен читателю.

У нас учиться стилю (в широком смысле этого слова) почти не у кого. У нас до сих пор нет даже элементарного синтаксиса. (Отрадно слышать, что синтаксисом серьезно занялись наши лингвисты А. С. Сидоров и И. И. Разманов). По стилистике, в более узком смысле, абсолютно ничего нет и никто не работает над этим вопросом, несмотря на то, что социалистическое строительство требует этого. Необходимо в кратчайший срок приняться за ликвидацию этого прорыва. Литертурным

работникам, и вообще творцам коми литературного языка, необходимо учиться стилю от читателей. Большую услугу в этом отношении окажет фольклор. Фольклор нужно не только записывать, но и изучать его, извлекая оттуда все ценное,—в данном случае в отношении стиля. (В настоящем выпуске сборника мы открываем специальный фольклорный отдел). Вот, почему комиссия по собиранию словаря и изучает коми диалекты, ставя перед собой первоочередную задачу языкового строительства, также собирает и фольклорный материал, хотя благодаря недостатку средств и сил не удается ей до сих пор развернуть работу в полной мере... Необходимо кому-нибудь специально заняться стилистикой.

Вот в общих чертах очередные задачи изучения коми языка в практическом разрезе, т. е. в разрезе строительства коми литературного языка, этого могучего орудия стройки социализма на участке Коми края.

Гр. Нечаев.

Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми округа.

Октябрьская революция, освободившая из под буржуазно-националистического гнета трудящихся всех национальностей бывшей царской империи, открыла перед этими трудящимися широкий путь возрождения, движения вперед, путь к достижению социалистического общества, социалистической культуры, где не будет ни передовых, ни отсталых национальностей. Но этот широкий путь, эта столбовая дорога трудящихся нацмен лежит через свои национальные формы, через свои национальные особенности. Одной из этих национальных форм, одной самой главной, основной национальной особен-

ностью является язык. Языки нацмен имеют громадное значение в перестройке хозяйственной и культурной жизни. Перед трудящимися нацменьшинств, совсем не имевшими, или почти не имевшими своей письменности, своей литературы, встала огромной важности ответственная и трудная задача: создать для себя свое печатное слово, свой литературный язык. Разрешение этой задачи проходит не везде одинаково, она разрешается в процессе борьбы различных течений и направлений.

При создании общего литературного языка той или иной национальности, прежде всего возникает вопрос: какой диалект данного языка должен быть положен в основу общего литературного языка, или как должен быть создан общий литературный язык—на основе одного какого-нибудь диалекта, или на основе нескольких диалектов. Этот вопрос разрешается двумя путями. Один путь, когда берется какой-нибудь диалект языка целиком и почти исключительно на этом одном диалекте строится литературный язык для всей национальности. Этот путь—путь неправильный, не советский, а узко-националистический, не учитывающий, игнорирующий особенности всех других диалектов, навязывающий нормы одного, часто небольшого, диалекта всем остальным диалектам. От этого получается отрыв литературного языка от языка большинства трудящихся данной национальности, что, безусловно, в советских условиях не должно иметь места. Другой путь—путь создания литературного языка с учетом особенностей всех диалектов данного языка. Этот путь есть единственно-правильный, верный путь, путь вполне отвечающий требованиям советской действительности.

Интересно проследить, как создавался и создается коми-окружной литературный язык, по какому пути шло и идет создание этого литературного языка. Коми-окружной литературный язык в своем развитии имеет два периода. Первый период начался с зарождения литературного языка изданием первого сборника стихотворений „Горагул“ (1922 г.) и закончился тем моментом, когда было введено в литературный язык из коми областного

литературного языка чередование „л“ с „в“. Второй период начался с указанного выше момента и тянется до сегодняшнего дня.

Отличительной чертой первого периода было то, что литературный язык строился **исключительно на иньвенском диалекте** с постепенным введением некоторых слов из коми областного литературного языка. Это объясняется, по моему, тем, что, во-первых, прикамские коми, (коми пермяки) в начале развития литературного языка не были еще объединены в одну административную единицу, и во-вторых, и главным образом, тем, что первые литературные работники из прикамских коми были представителями иньвенского диалекта. Правда, нужно отметить и то, что первый период развития литературного яз. длился долго и по организации Коми Пермского округа. В общем, как бы велико не было значение этого периода в создании окружного литературного языка, нужно признать, что в это время литературный язык базировался на неверной, узко - националистической почве.

Отличительной чертой второго периода развития литературного языка является выход за пределы иньвенского диалекта. Это было шагом вперед. Но если мы посерьезнее отнесемся к этой особенности второго периода, то нужно будет к характеристике „шаг вперед“ сделать некоторое примечание, а именно: выход литературного яз. за пределы иньвенского диалекта характеризуется не столько его ориентацией на северные диалекты округа, сколько ориентацией на Коми областной литературный язык. Этим объясняется введение в окружной литературный язык чередования „л“ с „в“ (вöв—вöлön), введение послелога „**выл**“ и заимствование отдельных слов из Коми областного литературного языка. Все это, безусловно, сблизило окружной литературный язык с областным литературным языком. Но вместе с этим необходимо отметить следующее: чередование „л“ с „в“ в областном литературном языке покоится на шатком основании, т. к. оно присуще значительному меньшинству населения Коми области. Возникает вопрос перед областным лите-

ратурным языком—не заменить-ли это чередование одним „л“, что присуще внушительному проценту коми населения.

Приблизился-ли окружной литературный язык к массам, к живой речи, с введением чередования звука л с звуком в? На это надо сказать, что желаемого приближения фактически не произошло. Получилось то, как говорится „от одного берега отстал, к другому не пристал“,—от иньвенского диалекта литературный язык отошел, а к северным диалектам не приблизился. Поэтому теперь пишут так, как ни один человек коми округа никогда не говорит.

Обогащение окружного литературного языка словарным запасом из областного литературного языка, а не из северных диалектов Коми округа, тоже мало сблизило литературный язык с живой речью большинства коми населения Коми округа*). В этом отношении получился разрыв между литературным и живым языком, ибо не был учтен языковой материал северных диалектов округа. Шаг во втором периоде развития окружного литературного языка сделан, но, я бы сказал, он сделан не настолько вперед, насколько в сторону. Чтобы поставить окружной литературный язык на более прочную и правильную основу, чтобы теснее связать его с живым языком населения, необходимо учесть особенности северных диалектов Коми округа.

Здесь я отмечу лишь некоторые наиболее яркие особенности из тех, которые мною зафиксированы в мою поездку от комиссии по собиранию коми словаря в Кочевской район летом 1928 года**).

*) Я этим совсем не хочу сказать, что из коми областного литературного языка ничего не нужно брать. Нужно использовать и коми областной литературный язык, но в то же время не надо забывать диалекты своего округа, которые могут дать весьма богатый материал.

**) Записи производились мною, главным образом, по показаниям следующих граждан: Жакова Антона Сергеевича (д. Воробьева), Пыстогова Герасима и Пыстогова Алексея Спиридоновича (Петуховский сельсовет).

1) одной из главных особенностей северных диалектов Коми округа, как известно, является то, что эти диалекты относятся к так называемым л-диалектам Коми языка, т. е. в середине и конце слов в этих диалектах обычно „в“ не произносится, а произносится „л“. Только некоторые коми слова, в особенности слова, заимствованные из русского языка, в этом положении имеют „в“. Так, напр: а) коми слова: таво, кват, сінва, сірвез, біва, лава, њевна, шерва (уха) и т. д; б) русские слова: сівѡ, канава, правда, морков, клевер, сівѡ, авгус, кол- (л)ектів и т. д.

2. Второй особенностью северных диалектов Коми округа является употребление послелогоа **выл** (вылѡ, **вылсан**, **вылын**), как и в областном литературном языке. Этот послелог в иньвенском диалекте стерся, износился и употребляется то в виде **вѡ**, то в виде **ввѡ**, напр: **пызанвѡ** ← **пызанвывѡ** // **пызанвылѡ**; **туввын** ← **туввывын** // **туввылын**; **пуввѡт**—**пувывѡт** // **пувылѡт** и т. д.

3. Третьей особенностью северных диалектов Коми округа является то, что здесь винительный падеж содержит так-же в себе признак дательного падежа. Если мы в обоих коми литературных языках имеем, напр: „**ме талун адзылі мортѡс**“, — то в Кочевском районе это будет: „**ме талун мортлѡ аззылі**“ (я сегодня видел человека)

4. Четвертой особенностью северных диалектов округа является переход звука „з“ в звук „j“ перед гласными в признаке множественного числа, напр: **луннејѡ**—вместо **луннезѡ**, **ѡррејѡ**,—вместо **ѡррезѡ**, **ѡррејын**—вместо **ѡррезын**, **керкујесын**—вместо **керкуезын**, **сілканнејѡн**—вместо **сілканнезѡн**, и т. д. Перед согласными звуками „з“ (с) остается.

5, Пятой отличительной чертой северных диалектов округа является богатый запас коми слов, которые в большинстве сходны с областными коми словами.

Я приведу здесь несколько отдельных слов и выражений, и особые значения, которые, по моему, неизвестны, или мало известны иньвенскому диалекту и, пожалуй, литературному языку.

Азлас—острога

Азлас вөрч—зуб, копые остроги

Ајка—муж.

Анужалі—неужели

Анагур сотны—жечь кострику.

Арт—лад, порядок.

Арталны—найти, установить лад, порядок. Оні вөліс арта—теперь только соображаю понимаю. Он тōд, дак мыј моѳан арттōгјыт—если не знаешь, то зачем болтаешь без толку. Оқтō бōртō он артал да шусан—ничегошеньки не соображаешь (не понимаешь), а говоришь.

Бажук—ласкательное слово, обращение.

Баѳōг—куропатка

Балаһан, = ыжман (иньв)—жимолость.

Башловка—убыток.

Бертны = шедтыны (иньв)—достать. Мыр бертны—достать, выкорчевать пень. Лун пондiс бертны—день начал прибывать (после зимнего солнцестояния). Лун 'мō-дōрō пондiс бертны—день начал убывать, становится короче. Морт шогалiс i пондiс бертны—человек болел и начал выздоравливать.

Берса—всякий, всякая всячина.

Біпур—костер, место бывшего костра.

Бәдәт—бледный.

Бәл: ак те бәл те!—полуругательное выражение.

Бәртi—после, позже.

Бугыл: сiн бугыл—глазное яблоко.

Бурны—поправляться, поправиться (о ране, о больном человеке).

Бурiны—благожелать.

Бурса—благожелаю.

Былан—круг.

Былытны—вытекать через край с клокотом.

Бытсiн = быдбс (иньв)—все.

Ваѳōтны—подмочить.

Вакјалны—помогать руками родиться ребёнку, телёнку.

Вартан пучча—ремень, на который подвешивается колотушка в цеpe.

Ватласны—ходить без дела.

Вашвiзны—быть, оставаться непокрытым (ведро, кадка).

Веж—зев, раздвоенная основа при тканье, где ходит челнок.

Велмōс—на яву. Велмōсiн аззылi—видел на яву.

Велтпōл—крышка, покрывка.

Весōпōрны—сильно испугаться.

Віз — полоска, линия.

Візја (візџа) — полосатый

Візірка — полоса, линия, граница.

Віж — желтый.

Віжля — ругательное название собаки.

Вілун — первое января, новый год.

Вілеуасны — молотить свежий хлеб.

Віроч — рассадник.

Вігуль — бекас (птица).

Віщыктыны — икать.

Водса — лежачий.

Вожа: колё стараччыны, он-ко стараччы, сек фелойс вожа лоб — надо работать, стараться; если не постараться, то дело будет сделано плохо, неудовлетворительно.

Вока — так называют младшие своего старшего брата.

Ворга — вроде ворот на гумне.

Вёлааны — строгать ножом.

Вуг — скоба, ручка (дверей, ведра, котелка).

Вугмыны — окостенеть. дыр-ко пукалан да султан, он вермы стразу вескётчыны — вугмёмыт — если долго посидишь и встанешь, то сразу не можешь выпрямиться — окостенеешь.

Вултны — наброситься на когонибудь с руганью. Вулјаліс ме вылб не бчыд — набрасывался на меня с руганью не один раз.

Вущ — „пух“, скопившаяся пыль от тканья под ткацким станком.

Гад — мочевого пузыря.

Гар — цвет березы.

Гарја — береза в цвете

Гежењ — кушанье, болтушка толкна на воде.

Гежмалны — отмечать при ручном посеве границу полосы засева.

Гіжан чача — василек (цветок).

Гірјыны — скрести, грызть (мышь).

Гозјорт — супруг, супруга.

Гоньалны = гогнялны — качать головой.

Голькі — шарики (грузило) мержи.

Горзбктё — позывает к отрыжке.

Гошцак — белый гриб.

Гёгыл = гёглан — круг.

Гёрзыны — вязать (чулки, носки, сети).

Гёрбод — узел.

Гёч — хрящ.

Гу — яма.

Погреб гу — погребная яма, ледник.

Гуалны — хоронить.

Гудыртны: ві гудыртны — взбить масло.

Гулыт — ровный, гладкий.

Гулыт — очень жидкий.

Гумакельчі — мускул руки (мышца).

Кок гума кельчі — мускул ноги (икра).

Гумлавны = гумавны (иньв.) — черпать.

Гыдажык — глубже.

Гыжвурас — место соединения ногтя с пальцем.

Гыжна — чесотка.
 Гыѳр — иней над дверями.
 Гылыт — скользкий.
 Гыркпыщ — внутренность.
 дар — поварешка.
 долјалны — качаться.
 дојка — небольшая короста.
 дон — ожерелье.
 дошлѳ — дошлий, знахарь.
 дѳзмыны — россердиться, су-
 диться.
 дѳлѳтѳ — болит, ноет.
 дѳб — нижняя кора березы, ольхи
 и ивы.
 дузны — сердиться, надуться.
 дульны — говорить вздор.
 дыды = dydi (иньв.) — голубь.
 дызгыны — мычать особым обра-
 зом.
 дѳб — мошка
 дѳк — усталость утомленность.
 дѳк лоіс јурѳ — голова перестала
 «оображать, понимать».
 Живѳт — клад.
 Жо — калина (ягода).
 Жопу — калиновый куст.
 Жолѳік — жиденъкий.
 Жортка — ловушка для косача и
 рябчика.
 Жугыль — беременная.
 Жујалны — потерять сознание.
 Жыр — пристройка, отделение
 чулан.
 Жагыт нан — черствый хлеб.
 Жѳмдыны — споткнуться.
 Жужыт — глубокий.
 Жуждѳтны — углубить (яму, ка-
 наву).

Жумдор — глубокий, отвесный.
 Зыла — ком, комок.
 Зіктасны — затянуться слишком
 туго.
 Зімбыр — дресва.
 Зірдѳтны — накалить.
 Зірс — совсем, совершенно. Зірс
 пемыт — совсем темно.
 Зоѳог туј — млечный путь.
 Зола — мелкий.
 Зоњтны — приговаривать, убаю-
 кивать ребенка, монотонностью
 наводить сон.
 Зурк бі — огонь, добытый тре-
 нием.
 Із: колта із — комель снопа.
 Інтыны — указать путь, напра-
 вить.
 Істѳг — спичка.
 Јала — ягель (мѳх).
 Јанѳтны — пристыдить.
 Јежгаг — вид белых насекомых.
 Јенјугыт — вселенная, весь мир.
 Јенѳшка — радуга.
 Јіжны — просочиться просачи-
 ваться.
 Јітны — соединить, присоединить.
 Јоды — лечь.
 Јокыш — окунь.
 Јонгѳ — домит (болит).
 Јор — весть, известие. Јор нуіс-
 мѳдѳтіс — распространил весть
 известие.
 Јортасны = гѳтрасны (иньв.) же-
 ниться.
 Јос керѳ — болезнь начинает спа-
 дать.
 Јѳртѳт — сусек
 Ју — река.

Ју пѳлѳн — по долине реки, по берегу реки.

Јукалны — делить, разделять.

Јукасны — делиться.

Јукасѳм — раздел, дележ.

Јуну — питье, напиток.

Јурпѳн — коренной зуб.

Јумѳл — сладкий.

Јыкѳ — отруб (мякина).

Јылтсалны — обрастать шерстью после стрижки (овца). Порјадошно јылѳс — хорошо пожился, удалось, прилично получил.

Калкѳтны — приоткрыть (дверь), отделить, расщепить.

Каначчыны — кидать, жребий.

Катѳтны — приподнять.

Катны: Ва паныт катны — подниматьяс против течения реки.

Катыт — против течения, вверх по течению,

Карлан — 1) палка на шее овцы, которая привязывается для сдерживания овец от попадания в огороды; 2) палка или доска, прикрепленная к мельничному ковшу для потряхивания корытца, из которого сыплется зерно на жернов.

Кар — деревянный шар для игры

Картаѳ мунны — итти в дом тестя

Квасѳла — жидкий квас.

Кезѳтны — вздрагивать.

Кеъ — пенка.

Кѳд морт — вспыльчивый человек.

Кѳдласны — вспылить.

Кѳз — пуговица.

Кѳзалны, кѳзалны (иньв.) — застегнуть.

Кѳзул — медная старинная пуговица.

Кѳкар — кисть руки.

Kodѳ — кто.

Ковгаг — глист.

Козѳл — весенние ягоды на деревьях.

Коѳын, коѳѳн (иньв.) — подарок.

Коѳнасны, коѳнасны (иньв.) — дарить.

Кокан — мотыга.

Којны банаын, а којалны ѳу.

Таррез којѳны — косачи токуют.

Колуј — крупный сор на берегах после половодья.

Кѳмѳ — шишка.

Ком — харьюз.

Корѳг — замерзшая грязь на дороге.

Коскѳм — пар (пашня); коскѳм чегны — пахать пар.

Кѳѳг вѳѳм — колотье (болезнь).

Кѳж — остров.

Кѳз — мелкий щебень.

Кѳзја места — место, где много щебня.

Кѳлыс — отверстие в рубашке для головы.

Кѳр — 1) олень, 2) вкус.

Кѳря — делать складки, борки.

Кѳнтар — тетерка.

Кѳндозмор — самка, глухаря.

Кѳрыш — колобок.

Кѳстуја шабур — шабур со складкам или сборками в пояснице.

Кѳщыс — хобот реки.

Кѳлус — трус.

Кругпӧл бергӧччыштас — кругом повернется.
Кратӡвӧй — спесивый.
Кробос — трещетка для отпугивания лошадей.
Ку — шкурка, овчина (ягненка, зайца).
Кужис — тӧдис — знахарь.
Куӡмӧс — длинноватый.
Куӧм — мережа.
Курдалны — заботиться о насущном хлебе.
Кыбны — ловить рыбу лучением (острогой).
Кызыны — кашлять.
Кызыд — сильный кашель.
Кыжыны — охотиться.
Кырыны — пронести (берег, платину).
Кыртны — сползать.
Кырас — пронесенный водой берег.
Кыркӧтны — снимать, сдирать (кору с деревьев).
Кысан — продольник.
Лабута — ленивый человек.
Лапӧтны — набросить, одеть платок.
Лапӧт — полка рубахи.
Лашвӧчны — смеяться особым образом.
Лаш — основание (прялки, швейки, светильни).
Лоп — широкая часть весла.
Лолпу — ольха.
Лос — „пояс ориона“ созвездие.
Лӧп — дряз на берегах.
Лӧсалины — строгать топором.
Лӧсыт=быцӧм (иньв) — хорошо.

Лӧч — силок.
Лӧчтуј — дорожка, где расположены силки.
Лы — кость.
Лыфӧтны — читать.
Лысны — линять.
Лышкыт — слабо наложенные дрова, воз сена, соломы и т.д.
Лӡас — открыто. Посуда лас — не закрытая посуда.
Льетӧрӧс — отростель.
Лӡан — слабое, мерзлое (дерево).
Мажалны — отсидеть ноги или др. части тела.
Мегыр — дуга.
Мич — ясный, хороший.
Мича — ясный, красивый, ясно.
Мистӧм — нехороший, некрасивый.
Могдыны: мыӧн могдан менӧ? — чем меня удовлетворишь?
Молӧн кылӧчныны — сплавлять по одному бревну.
Молохита — вид ивы.
Мӧдӧтны — проводить, провожать, отправлять: сакӧй врем-
жоыс тај воллис да ӧо мӧдӧ-
там — всякое время приходило,
да все проводи́и.
Мӧдӧччыд — второй раз.
Мудӧт — завалинка, завалила.
Мургылтны — вывихнуть.
Мутеј — мутовка.
Мыжжыны — наказать.
Мыӧтны — быть причиной уста-
лости другого.
Мылн — возвышенность.
Мыныны — стереться, избавиться, освободиться.

Мынтыны — платить, уплатить.
 Мырд — крепкий, горький (вино, хрен).
 Мылбс — об'едки.
 Мырксыны — стараться, заботиться.
 Мытчыны — подать, показать.
 Мыш — спина; мышкё ви́отны — оглянуться назад — в прошлое; те локтан ме мышсан — ты придешь за мной, после меня.
 Найдан — находка.
 Найфитны — наварить железо.
 Начкыны — колоть, заколоть.
 Нач — даже.
 Ноп — приспособление на спине для ношения провизии.
 Норпасны — прихварывать, быть в болезненном состоянии.
 Ногыл — хорошо смешанный, густой.
 Нок — сметана.
 Ныркны — бить.
 Намыр — костяника.
 На́на-жол или на́на-шыд — молочная лапша.
 Напыртны — жать, сжать (в кулак).
 Нар — не об'езженная, не маяная молодая лошадь.
 Немтор — ничего.
 Ни́зыл гаг — дождевой червяк; ва́ны́л — пиявка.
 Нильскёбтыны — проскользнуться.
 Ниртны — тереться (напр. дерева ствоями при ветре).
 Нерны — дразнить.
 Ну́жа — нить „от кудельки“ до веретена, получаемая при прядении.

Нуз — тихий человек.
 Нылас — пицевод.
 Нылбм — пот.
 Нылыт — по течению.
 Ож — оглобля.
 О́зти то стариккез ба́йтло́мас — раньше то старики говаривали.
 О́жкөл: о́жкөл ке́жб мунны — итти на всю ночь (ночевую).
 Окта́с — подсека.
 Октыны — рубить, валить деревья, лес.
 Олана — зажиточный, кулак.
 Олмо́тчыны — зажить хорошо.
 Ол — болотистое место.
 Опашна — боковое весло (в отличие от рулевого).
 Орды — ребро (кость).
 Орчыны — встать на дыбы, кинуться на к-ниб.
 Оныны — подставить ногу бегущему, идущему.
 Ота — широкий, отбм — узкий.
 О́д — жар, о́дда — жаркий (о бане).
 О́малны — ругать.
 О́мкёрталны — взнуздать.
 О́твыл — за одно, в одно время, напр., су же́што́ о́твыл — хлеб поспевает в одно время.
 О́чыд — однажды, один раз.
 О́шмбс — колодец.
 Пагулошкі — холщевые гетры (чулки без ниж. части — „ланости“).
 Па́ддасны бы́гланон = тарвасны кругон (иньв.) — катать круг (детская игра).
 Па́жа — падежь скота.

Пакмыны — выкипать.
 Палѳтны — успокоить: кага чірзо,
 колѳ палѳтны — ребенок пла-
 чет, нужно успокоить.
 Паныт султны — перечить.
 Панѳоз — посудина для ложек,
 вилок.
 Парга — лишай (на дереве).
 Пелькѳрт — платок.
 Пельпон-лы — ключица.
 Перк — кедровка (птичка).
 Пелыс — весло.
 Пелі — пельмень.
 Пілѳм — ловушка для зайцев.
 Піѳкос — маленький промежок.
 Пілізурк — вид нес'едобного
 гриба.
 Поддін — основание; комель.
 Подѳыны — подставить ногу.
 Подѳышны — затянуть, туго за-
 вязать воз сена.
 Полѳ — мозоль.
 Помка — причина.
 Понол, понолушѳк — мелкий
 словый лесок.
 Поялуш — веснушки.
 Порѳ-піѳ — спорынья.
 Потка — дичь (лесная).
 Пошта или чівкорс — вид малень-
 кой птицы.
 Пѳлѳс — разряд, сорт.
 Пѳрѳс — поветрие, эпидемия.
 Пушкыны: пар пушкыны — пар
 перепаживать.
 Пыммыны — нагреться, сделаться
 горячим.
 Пыріѳ=пешѳна (инѳв). — пешня.
 Рѳзвуж — красильный корень.
 Рѳмыт — сумерки.

Рузым — тряпка, віѳѳтчан рузым —
 полотно, которое кладется в
 корыто, употребляемое в про-
 изводстве пива домашним спо-
 собом.
 Руѳѳтны — сцедить.
 Сарыѳ, саріѳ — южные, теплые
 страны.
 Скѳр — моль.
 Слопеч — ловушка для глухаря.
 Слѳѳѳалны — ходить без дела.
 Соболѳта — ромашка.
 Соркыш — ракушка.
 Соркыш-поз — раковина.
 Соча — старшая сестра.
 Свочѳ — обращение в сказках:
 ручѳ свочѳ..., кѳчѳ свочѳ...,
 кѳіѳнѳ свочѳ...
 Сѳк — каша из коноплян. семян.
 Сѳлтны — накладывать на воз
 навоз.
 Сѳп — желчь.
 Стопка — чайная чашка или
 стакан.
 Суѳѳыны — давать взятки.
 Суспу — кедр.
 Сушкыны=бышкыны (инѳв.) вот-
 кнуть, ткнуть острым.
 Сыл — ростояние между концами
 пальцев, распростертых в сто-
 рону рук; обхват.
 Сылѳл — меряя „сыл“-ом.
 Сын — язь.
 Серагола — горло.
 Сіѳ-ѳур — дикий клевер.
 Сіѳѳѳж — воротник.
 Сіѳсоѳ — красная глина.
 Сорва — жидкое пиво, получаю-
 щееся в конце производства.

Gopd — задний план.
 Gōd аныкыш — бобы.
 Spina gupdi — спинной хребет.
 Сул — кострика.
 Сулѳм — веревочки у лаптей.
 Таб — принадлежность для тканья поясков.
 Тѳлк = телъ (иньв.) — густой молодой лес.
 Тојны — толочь (в ступе).
 Торкны — сделать для себя какой-нибудь убыток (променять, продать с убытком; если лошадь пала, то говорят „вѳлыс торксі“, а если в этом виноват ее хозяин, то он говорит „вѳлѳс торкі“).
 Торксыны — ошибиться, просчитаться (в своих расчетах).
 Тѳбны, тѳбѳталны — пеленать, закутывать.
 Тѳвѳлга — дерево, из которого делают плетевища.
 Тујвеж — распутье, перекресток дорог.
 Тупыл — клубок.
 Турѳп — пурга, мятель.
 Тусапу — вереск.
 Тымус — внутренности груди (редко).
 Тыѳт — запруда для конопли, льна.
 Тышкалны — мять-толочь в ступе холст.
 Уѳѳтны — обделить в пище кого-либо.
 Уклад — сталь.
 Улјалны — полоть коноплю; сы улја дојмі — из-за него ушибся, сіја ме ултіс — он моложе меня.

Улѳс — тубаретка.
 Уммыны — приесться.
 Уповѳд — известный промежуток времени, обычно с утра до обеда.
 Уркај — клест.
 Утка-поз — созвездие „Больш. медведица“.
 Чаз — отруби коноплянных семян.
 Чарк — ловушка для зайцев.
 Час — поваренка.
 Черанчер — пазник полукруглой формы.
 Червѳн — подвязка.
 Чікіс — домаш. ласточка.
 Чім: чім гѳрд, — сильно темно-красный, чім-ѳѳд — сильно черный.
 Чінга — сонная болезнь.
 Чіпсыны — играть на дудке, на свирели.
 Чірјны — мельчить, крошить.
 Чірјісны — крошиться.
 Чіткыл — кудри.
 Чокан — клеймо.
 Чоканітны — клеймить, заклеивать.
 Чоканітчыны — заниматься накладыванием клейма.
 Чолі — головастик.
 Чѳтѳталны — застреножить за одну ногу.
 Чѳд — черника.
 Чѳжјѳл — первое молоко коровы после отела, чѳжріс — сыр из этого молока.
 Чѳс — ловушка для глухаря.
 Чѳс туј — дорожка, по которой заложены ловушки для глухарей.

Чөрös — сукоянные гетры.

Чук — морда, клюв.

Чул — зоб птицы.

Чукör — слишком, сверхом; чу-
кör течöма — слишком много
наложено.

Чуңлыс — наперсток.

Чуңлыск — подвязка раны на
пальце.

Чужва — сусло.

Шајпај вајны — удивиться, уди-
вляться.

Шаң = басöк, быщöм (иньв.) —
красивый, хороший.

Шаштыны — распутничать.

Шерва — уха.

Шердын — лоток.

Ши — копье.

Шлунгыны — ехать, плохим ско-
ком, рысью.

Шоң — заостренная палка.

Шој — труп, падаль.

Шојмыны — исхудать, завянуть.

Шојна — могила.

Шојят — очень бледный.

Шолег = сöяög (иньв.) — снег с
водой.

Шöмöс — квашня.

Шурга шаң — вид неболь. деревца.

Шуч — прямо.

Шыш — вредный, лукавый.

Щап — заруба.

Щаптыны — сделать топором
зарубу.

Шантöм пу — дерево с зарубами.

Щöг — жир.

Щöгöтöм — откормленный.

Щынас (щынöтас) — костер от
комаров.

Ызöтны — поощрять.

Ыксыны — кричать.

Ылöсны — понимать.

Ылöстöм — беспонятный.

Ылöтны — обмануть, „провести“

Ытва — половодье.

Я остановился лишь на некоторых, наиболее ярких особенностях северных диалектов Коми округа. Теперь интересно взглянуть, как эти особенности учтены, отражены в окружном литературном языке и как можно их отразить.

Как отражена в коми окружном литературном языке первая особенность северных диалектов (а это особенность присуща всем северным диалектам округа) я уже выше указывал и считаю, что в этом отношении литературному языку необходимо эту особенность использовать целиком и полностью, т. е. отказаться от чередования „л“ с „в“, а писать эти „л“ и „в“ в тех положениях, в которых они употребляются северными диалектами. Этим самым мы, во первых, добьемся того, что литера-

туриный язык будет связан с большей массой трудящихся Коми округа; во вторых — преимущество состоит в том, что „л“ лучше усвоить одним иньвенцам, нежели усваивать нынешнее чередование „л“ с „в“ и иньвенцам и „северянам“; в третьих — гораздо легче усвоить и научиться разговаривать на диалекте с одним „л“ или с одним „в“, нежели учиться употреблению чередования „л“ с „в“. А что касается сближения Коми литературных языков друг к другу, то коми областному литературному языку, по моему, необходимо так же отказаться от чередования „л“ с „в“ и перейти на „л“, т. к. значительное большинство трудящихся коми говорит на „л“ диалектах, а не с чередованием „л“ с „в“. Этим вопросом, по моему, необходимо заняться литературным работникам Коми области. В таком виде, представляется мне, должно быть отношение к первой особенности северных диалектов Коми округа.

Что касается второй особенности (послелога „выл“), то, нужно сказать, она имеет отражение в литературном языке. Но если мы заглянем в нашу литературу, то можем легко заметить, что это „выл“ проводится не последовательно, что этот послелог борется с искусственно видоизмененным таким же послелогом иньвенского диалекта. Чтобы не быть голословным, я приведу несколько примеров. Беру то, что имеется под рукой — „Крестом“ Лихачева М. П. (изд. 1930. г). В этом произведении наряду с правильным употреблением послелога „выл“ мы читаем, напр., на стр. 4, 14 строка сверху: „Вон-тај чочком налшныка нолот керкуыс шулгаквлас — сетон і ем“. (подчеркнуто мною Гр. Н.). На стр. 6, 6 строка св.: „дак-ед ој-јој-јој, бата, чут мјанос, јортј, собраньовлас ез летö“... Через строчку тоже самое слово: „собраннывлö“... Эта непоследовательность встречается и в „Гöріс“ и в выходящих журналах. Этот послелог необходимо внедрить в широкие массы иньвенцев через печать, разговорную речь, через школы в том виде, в каком употребляется на севере; в печати, в литературе проводить последовательно. Этот послелог может быть легко усвоен иньвенцами, является родным

для всех жителей северных районов Округа и является общим с коми областным литературным языком.

Третья особенность, отмеченная мною, — винительный падеж обозначается признаком дательного падежа. Но нужно заметить, что мне лично неизвестно, насколько широко распространено это явление в северных диалектах Округа. Возможно, что оно встречается не во всех северных диалектах. Если же оно встречается по всему северу Округа, встает вопрос, — как должен отнестись к этому явлению окружной литературный язык? Имея в виду, что эта особенность является пережитком, остатком от предшествующей стадии развития языка, когда не было необходимости различать эти падежи, что инь-венским и большинством других коми диалектов эта стадия пройдена и винительный с дательным падежи дифференцированы и что литературный язык должен брать более развитые формы явления языка — эта особенность не может быть принята литературным языком. Кроме всего этого, как мною замечено, там где эта особенность встречается, население великолепно понимает и иногда даже само употребляет различаемые признаки этих падежей.

Четвертая особенность северных диалектов — изменение суффикса множественного числа перед гласными. Область распространения этого явления мне тоже неизвестна. Как отнестись литературному языку к этой особенностям? Прежде чем дать ответ на этот вопрос, посмотрим, что мы имеем в этом отношении в нашем литературном языке. В литературном языке мы имеем полную непоследовательность в отношении суффикса множественного числа. Прибегнем опять к примерам. Наряду с „ез“ (соглас. + ез) пишут „ес“ (согл. + ес) и очень часто даже одно „е“. Передо мною опять тоже произведение „Крестом“ Лихачева. На стр. 3 мы читаем: 1) луннез, ыббез, вөррез, логгезын, думаез, деревнаезын, посаддезын; 2) думаес, јорттес, југөррес; 3) јыввесö (2 раза); на стр. 4: думаеслö, кывввезсö, вожжіезсö, морттес, и т. д. Можно количество примеров увеличить в сотни раз хотя бы даже из этой же книжки; можно

массу подобных примеров привести из произведений и др. авторов. Непоследовательность эту встречаем мы и в руководстве к изучению Коми языка: „Ас кыв велöтан кнйга“. Пйту Оньö, изд. 1930 г.*) На стр 3 этого руководства мы находим такие выражения: „Ета торресшусöны сонйкузаетсöн **“) Туjö-ја сорнйкузаетсö торjötны“... В этом руководстве мы замечаем лишь одну последовательность, которая состоит в том, что перед притяжательными суффиксами „со“, „тö“ мы везде видим выпадение „з“. В остальных случаях последовательности нет, так-же, как и в приведенных примерах из „Крестöм“. Объяснения употреблению в таких видах признака множеств. числа мы в руководстве не находим.

Совершенно непонятно, почему в одних и тех же словах, в словах в одном и том же виде и положении мы пишем то „ез“, то „ес“, почему в том же руководстве на стр. 11 наверху мы читаем: „jítана шыез“... а внизу: „jítана шыес: а, е“...; на стр. 12 наверху же: „гора шыез“... и на этой же странице внизу: „jítана шыес быдöс гора шы.“ Такую непоследовательность мы находим в одном и том же предложении, как, напр. на следующей странице, т. е. на ст. 13, вторая строка снизу: „шыес ...шыез“.

Может быть автор руководства формой „шыес“ обозначает сокращенную форму имени во множественном числе с притяжательным суффиксом, полная форма чего — „шыезыс“ („его звуки“, а не просто „звуки“), т. е. форма „шыес“ обозначает множеств. число с некоторым определенным членом, примерно с таким, что имеется, напр. в немецком языке. Если это так, то во первых, в живой речи коми такого определенного члена не существует, не создается, следовательно автор руководства хочет ввести в речь такой член, но есть-ли в этом какая-нибудь надобность? Во вторых, мы совершенно не

*) Я беру примеры из произведений Лихачева М. П. и Зубова Ан. как произведений, написанных более грамотными людьми на коми языке.

**) Вседе подчеркнуто мною. Г.Н.

видим соответствующую последовательность в употреблении этого определенного члена, которая (последовательность) должна быть в этом случае — написание сначала (когда предмет, вещь упоминается только впервые), с неопределенным членом, т. е. в коми языке этому бы соответствовало „шыез“, а уже затем везде предмет должен быть поставлен с определенным членом, т. е. „шыес“ (вм. „шыезыс“). Этой последовательности совершенно нет. Очень жаль, что автор руководства в руководстве не дает никакого пояснения по данному вопросу.

Если же автор не имел в виду ввести в употребление этот, назовьем, определенный член, то так же становится совершенно неясным основание такого чередования „с“ с „з“ и выпадение „з“ перед суффиксами „сõ“ и „тõ“. Единственным основанием такой непоследовательности написания признака множественного числа может быть только — „так говорят“, „так слышится“. Но дело в том, что в разных сельсоветах, в разных деревнях и даже в отдельных домах говорят часто одно и то же слово по разному. И если придерживаться этого принципа, то в литературный язык придется ввести множество вариантов хотя бы для того же признака множественного числа. Всякий будет вправе писать так, как ему кажется правильным, как ему больше нравится. Такое явление, такая непоследовательность и произвол должны быть устранены из литературного языка, оно не может быть терпимо в литературном языке.

Из вышесказанного ясно вытекает тот вывод, что необходимо установить определенный вид для признака множественного числа в литературном языке, чтобы было просто и понятно для всех и не было путаницы. Таким определенным признаком множественного числа, по моему, должен быть „ез“: кiez, шыез, кайез, луннез, коккез и т. д., кiezтõ, коккезтõ, пийнезтõ, кiezсõ, вõллезсõ, поннезсõ и т. д. хотя часто слышится, произносится и „ес“, но, как я уже сказал, на это ссылаться нельзя, а затем мы многие слова пишем (и вполне правильно делаем) не так, как слышим или произносим: произносим „быттыны“, пишем „бытыны“, т. к. в др. формах —

быдмы, быдмыны — это слово выступает с „d“; производим „велӧччыны“, а пишем „велӧтччыны“, т. к. имеется слова велӧтны, велӧт! велӧта и т. д.; „ез“, а не „ес“ или не суффиксы, имеющиеся в северных диалектах округа, мы берем потому, что „ез“ выступает и в инь-венском и северных диалектах: кiezӧн кiezын, мортезӧн и т. д. Итак, не „ез“, „ес“ и „е“, а „ез“ должен быть признак множественного числа в окружном литературном языке.

Относительно пятой особенности северных диалектов нужно сказать, что этот запас слов нужно использовать в литературном языке. Этим самым обогатится литературный язык, приблизим его к широким массам и приблизим окружной литературный язык к областному литературному языку.

В таком виде, мне представляется, отношение окружного литературного языка к северным диалектам Коми округа. Нужно литературный язык строить с учетом особенностей всех диалектов данного языка, подходя конкретно к каждой особенности каждого диалекта.

В. И. Лыткин.

О говоре древне-коми письмен.

1. Древнейшие памятники письменности.

Занимаясь вопросами коми литературного языка, в частности историей последнего, мы наткнулись на пробел в области древнейшего периода коми письменности. Здесь не только никто не пытался осветить коми литературный язык XIV в. как таковой, но полсотни лет уже никто вообще не занимаясь древне-коми письменами. Ввиду этого нам пришлось заняться специально этими памятниками древне-коми литературного языка, тщательно проверить чтение их, произведенное моими предшественниками (Шестаков и Г. С. Лыткин) и в результате внести

ряд существенных корректив, благодаря которым только явилась возможность рассматривать язык этих памятников, как особый и единый язык, значительно отличающийся от современных коми диалектов.

В нашем распоряжении имеются следующие памятники древне-коми письменности, на основании которых мы имеем возможность охарактеризовать древне-коми литературный язык:

1. Приписка в рукописном списке Номоканона 1510 г. Приписка гласит следующее: „мзе исс ксе пии мылышты мено крека мортос вашукос Амин“. *)

2. Надпись на иконе „Троицы“,

3. Надпись на иконе „Сошествие духа“ и

4. Отрывки литургии, найденные акад. Лепехиным в 1771 г. (Лепехинские тексты).

Первые три памятника написаны древне-коми буквами, а последний (четвертый) написан русскими буквами.

По преданию икона „Троицы“ была положена самим миссионером Стефаном (1333-1396 г.) в Вожемскую церковь (село Вожем в 40 кил. ниже Яренска). „В конце XVIII века эта икона была увезена в Вологду и поставлена в Софийском кафедральном соборе, а в Вожемскую церковь отослан точный снимок.“ В Вожеме действительно имеется копия с этой иконы, но надпись вовсе не оказалась точной копией, а оказалась в измененном виде, а именно в том виде, в каком воспроизвел ее Шестаков (см. ниже). Повидимому, когда то, после появления статьи Шестакова (1871 г., янв. Ж. М. Н. Пр.) с разбор надписей, из Вожема точная копия была взята и вместо нее поставлена икона с надписью, сделанной по образцу надписи, воспроизведенной Шестаковым и помещенной им в своей статье, т. к. не только слова, но

*) Текст обозначает: „Господи Иисусе христе, сыне божий, помилуй меня грешного Васюка. Аминь.“ Древне-коми буквы мною здесь заменены русскими буквами. Эта рукопись находится в рукописном отделе Исторического музея под № 557 (81). Приписка находится не в конце рукописи (после пермской азбуки), а на 181 листе.

Древне-коми азбука.

1.	a	a	z	z	i	c	F	z	z	z	z	z	z
2.	b	b	ф	ф	ф	ф	ф	ф	ф	ф	ф	ф	ф
3.	g	z	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т
4.	d	d	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л
5.	e	e	в	в	в	в	в	в	в	в	в	в	в
6.	j	ж	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
7.	д	ж	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
8.	z	з	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о	о
9.	д	з	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и
10.	л	л	г	г	г	г	г	г	г	г	г	г	г
11.	к	к	д	д	д	д	д	д	д	д	д	д	д
12.	л	л	в	в	в	в	в	в	в	в	в	в	в
13.	м	м	н	н	н	н	н	н	н	н	н	н	н
14.	н	н	р	р	р	р	р	р	р	р	р	р	р
15.	о	о	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т
16.	р	р	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л
17.	з	з	д	д	д	д	д	д	д	д	д	д	д
18.	с	с	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л
19.	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т	т
20.	и,у	у,в	р	н	н	н	н	н	н	н	н	н	н
21.	е	у,в	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и
22.	е	у,в	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и	и
23.	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
24.	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
25.	е	е(н)	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
26.	и,у	и,у	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
27.	и,у	и,у	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
28.	и	и	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
29.	и	и	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
30.	и	и	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш
31.	и	и	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш	ш

Примечание к таблице: в первом столбце приведена яфетическая транскрипция, во 2-м—современные коми буквы, в 3-6 столбцах—древне-коми буквы, сохранившиеся в разных

и начертания букв вожемской иконы точь-в-точь такие, как в надписи в шестаковском воспроизведении.

Г. С. Лыткин говорит, что копия иконы имеется в Устюжской Семеновской церкви („Зырянский язык“ 1889 г., стр. 26), но в 1928 году я этой иконы уже не нашел ни в упомянутой церкви, ни в устюжском архиве.

Впервые прочитал эту надпись Д. П. Шестаков (1871 г.), который дал широкий простор своей фантазии и сделал массу ошибок. Многие ошибки Шестакова исправил Г. С. Лыткин, но все же ошибки в чтении еще остались.

Вторая надпись находится на иконе „Сошествия духа“. Эта икона и поныне в Вожеме (я видел ее в 1928 г., по краскам и материалу очень древняя). По преданию ее положил также Стефан, одновременно с предыдущей иконой.

Попытка прочесть эту надпись была сделана П. Д. Шестаковым (1868). Окончательно прочитал ее Г. С. Лыткин.

Кроме этих надписей до нас не сохранилось никаких текстов, написанных древне-коми алфавитом, если не считать подпись древне-коми буквами епископа Филофея (1471-1501) под грамотою 1474 года. Наверно, в архивах, музеях и церквях СССР кое-где сохранились еще древне-коми письма, но до сих пор они не найдены.

Древне-коми азбука в XV в. пользовалась некоторой популярностью также среди русских книгописцев. Так археолог П. И. Савантов („Труды первого археологического с'езда в Москве“ 1869, стр. 412) сообщает: „В одном из заседаний археологического с'езда была принесена книга, в которой даже несколько церковных стихов написано было пермскими буквами, хотя слова были и русские“. И. С. Некрасов в статье „Пермские письма в рукописях XV в.“ („Зап. Имп. Новоросс. Унив. 1890 г.,

списках алфавита (см. Г. С. Лыткин „Зырянский край“), в 7-м — с надписи на иконе „Троицы“, в 8-м — с надписи на иконе „сошествия духа“ и в последнем столбце приведены древне-коми буквы, взятые из Некрасовских надписей.

т. 51) в 4-х разных рукописях XV в. (написанных разными писцами и в разное время) приводит множество надписей (гlossы, примечания, исправления и т. д.), написанных древне-коми буквами. *) Некрасов приходит к выводу: „На основании приведенного мною описания четырех рукописей XV века мы можем вывести то заключение, что пермские (древне-коми. В. Л.) письма не только употреблялись в XV веке, но что они между московскими писцами и справщиками рукописей были довольно распространены. Писцы и справщики любили щеголять знанием пермских писмен.“ (стр. 252).

Теперь несколько слов о самой пермской (древне-коми) азбуке. Она была изобретена миссионером Стефаном в 1372—5 г. г. по образцу славянских и греческих букв. „Начертание греческих и славянских букв XIV века и начертание стефановских букв указывает, что Стефан имел в виду начертание славянских и особенно греческих букв при составлении своей зырянской азбуки“ (Г. С. Лыткин „Зырянский край“, 61). Некрасов по поводу древне-коми азбуки пишет следующее: „Так как жители Перми (Коми края В. Л.) восставали против всего, что шло из Москвы, то Стефану Пермскому нужно было сочинить письма, изменив славянскую азбуку, уничтожить ее круглоту, перевернуть до неузнаваемости буквы, образовать знаки в форме углов, квадратов, чтобы славянскую азбуку нельзя было узнавать в новоизобретенной. Пермские письма можно характеризовать стремлением удалиться от славянских в греческих письменах при знакомстве изобретателя с письмами еврейскими“ („Пермские письма“, стр. 253-4).

Древне-коми алфавит сохранился в нескольких списках: в списке Номоканона 1510 г., в синодальном списке, в бумагах Миллер и т. д. (см. книгу Г. С. Лыткина „Зырянский язык“, стр. 4). Здесь мы приводим сводную аз-

*) См. нашу статью в журнале „Культура и письменность народов Востока“ кн. 7-8, где помещено чтение надписей с детальными раз'яснениями, а также снимок Некрасовских надписей и снимок надписи на иконе „Сошествия духа“, сделанный т. Поляковым.

буку, где буквы взяты как из разных списков алфавита, так и из надписей (см. рис.).

Теперь перейдем к Лепехинским текстам. Академик Лепехин, раз'езжая по провинциям России в целях изучения флоры, интересовался также стариной. Коми Вычегодский край он проехал в 1771 году по маршруту: г. Слободской—с. Слудское—Летка—Ношуль—Об'ячево—Занулье (д. Подкиберская),—по Архангельскому тракту; затем, свернув от тракта, поехал через Кибру (с. Подкиберское)—Визингу—Устьсысьольск—Устьвым—Яренск и т. д. В селе Кибре Лепехин нашел отрывки обедни на коми языке, которые он напечатал в своих „Дневных записках“ (т. III).

По поводу этих отрывков он пишет следующее: „Я сколько мог старался отыскать их древнюю грамоту, но не мог; однако у некоторых любопытных людей нашел только названия некоторым буквам и перевод обеденных молитв, которые при сем прилагаю“ (Лепехин „Дневные записки“, т. II, стр. 24).

К сожалению мне не удалось найти рукописного оригинала этих отрывков. В оригинале, повидимому, были употреблены надстрочные знаки, а в книге Лепехина их нет. На это указывает следующая приписка вверху одного из списков рукописи (относящ. к концу XVII в.), сделанная бывшим владельцем рукописи киевским митрополитом Евгением: „Напечатана в Лепехина путешествиях, но без акцентов“.

Эта рукопись Евгения находилась в библиотеке императорского о-ва истории и древностей Российских (см. книгу Строева „Библиотеку императорского О-ва истор. и древностей российских“ 35). Теперь рукописи этой библиотеки переданы в рукописный отдел Ленинской библиотеки, а в последней они еще не приведены в порядок и вследствие этого не удалось найти ее.

Г. С. Лыткин первый разобравший Лепехинские тексты, („Зырянский край“, стр. 32, 37), предполагает, что они являются: а) переводом самого миссионера Стефана, б) что они написаны древне-коми буквами и что какой то любитель, не знавший коми языка, но знавший

древне-коми азбуку, переписал эти тексты (буква в букву) славянскими буквами, сливая и отделяя слова там, где не следовало. В подтверждение последних двух положений Г. С. Лыткина мы можем добавить еще то, что в Лепехинских текстах происходит такое путание (смешивание) букв, которое можно объяснить только древне-коми графикой. Кроме того язык (диалект) Лепехинских текстов в общем тот же, что и язык древне-коми надписей, правда, в первых встречаются диалектизмы, а также русицизмы орфографического характера, но в основном Лепехинские тексты и надписи древне-коми алфавитом в отношении диалекта едины.

Лепехинские тексты не одного происхождения; их можно разбить по крайней мере на две группы: к первой относятся следующие три отрывка: „Јерданым“, „Селун карсалы“ и „Иванолн лыдьяныс“.*) Остальные отрывки относятся ко второй группе. Отрывки друг от друга отличаются своей орфографией, а именно: а) в первой группе палатальные согласные съ и зь изображаются исходя из „ш“ и „ж“, т. е. так же, как и в древне-коми надписях, а во второй группе — исходя из „с“ „з“; б) в первой группе древне-коми второе „у“ (см. 42 стр.), употреблявшееся в двух значениях: „в“ и „у“ (ю), воспринято как „ю“, поэтому вместо „в“ мы имеем очень часто „ю“. Во второй группе текстов этого смешивания мы не наблюдаем. Здесь, повидимому, эта буква (второе „у“) употреблялась, как и в некрасовских надписях (см. стр. 36), в значении „в“ а, в значении „ю“ употреблялось иотированное „у“. Вообще древне-коми буквами написанный оригинал первой группы Лепехинских текстов по орфографии стоит ближе к древне-коми надписям, а оригинал второй группы — к некрасовским надписям.

Если допустить, что перевод принадлежит перу Стефана, то все же русский переписчик переписывал славянскими буквами уже не со стефановского оригинала, а с более позднего списка, переписанного (быть может несколько раз) представителем не того говора, на котором написаны

*) см. Г. С. Лыткина „Зырянский край“, стр. 30 — 31.

древне-коми надписи, а другого коми диалекта (по всей вероятности, сысольского, поскольку Лепехиным рукопись найдена в бассейне реки Сысолы). Некоторые руссизмы (вроде употребления Я, Ю, как особой буквы) могли быть уже в древне-коми оригинале, подвергшемся влиянию русской орфографии.

На основании тщательного изучения сохранившегося древне-коми алфавита и вышеперечисленных письмен, мы должны предварительно сделать несколько общих замечаний к древне-коми алфавиту.

2. Общие замечания к древне-коми алфавиту.

1. В современном коми литературном языке имеются 33 фонемы: а, б, в, г, д, е, ж, з, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ч, ш, щ, ы. В древне-коми письме каждая из этих фонем имела свое начертание или в виде особой буквы, или же буквы снабженной особым надстрочным знаком.

2. Каждая из следующих фонем изображалась особой (и при том только одной) буквой: а (над заглавными ставилось две точки), б, г, д, ж, з, и, к, л, м, н, п, р, с, т, щ, ш, ы.

3. Палатальные согласные изображались посредством точки над соответствующей твердой согласной. Но так как вообще подстрочные знаки в памятниках имеются только в некоторых случаях (повидимому стерлись), то часто одной и той же буквой изображаются твердый и мягкий согласные.

4. Палатальное с, которое акустически близко к ш, мыслилось как мягкое ш, но надстрочный смягчающий знак, как мы уже говорили, не всегда встречается (сеш, ташти).

5. Звуки „о“ и „ö“ изображаются одной буквой, над которой иногда стоят две точки, определить значение которых надписи не представляют данных (на рис. 27-я буква). Притом эта буква употреблена в значении „ö“ до 60 раз и в значении „о“ около 12 раз. Наряду с этой буквой для звука „о“ существует еще другая буква (на рис. 15-я буква), которую мы встречаем в следующих словах:

чом, чомлон, чомио, воґа, воґад, воґын, шоисны, воґын, шоисныс, коид, кодко. И эти слова (некоторые из них повторяются три раза) всегда пишутся через это второе „о“. Нужно заметить, что это „о“ в значении „ө“ не употреблен ни разу, а также не имеет над собой никаких надстрочных знаков. В надписях, приведенных Некрасовым, в значении русского „о“ употребляется первое „о“, что и нужно было ожидать, так как коми открытый звук „о“ по произношению соответствует русскому звуку „о“. У меня складывается мнение, что открытый звук „о“ изображался первым, „о“, „ө“ — первым „о“ с двумя точками, а второе „о“ изображало особую фонему, закрытый звук „о“, который имеется теперь в верхне-сысольском диалекте (см. нашу статью „Диалект Кобры“ в „Сборнике комиссии по собиранию словаря“ вып. 1, 1930 г.). И как раз в тех словах, где мы встречаем второе „о“, в верхне-сысольском диалекте мы имеем закрытый звук „о“ (чом, оґ, соґны коґ, коґи) и, наоборот, первому „о“ древне-коми надписей соответствует верхне-сысольский открытый звук „о“ (дорын, ордө, лоґны, бостны, лоны, ноллыны, пондыны, кылвор, морт).

Есть некоторое основание предположить, что это второе „о“ в значении закрытого „о“ употреблялось также в древне-коми оригинале Лепехинских текстов. В Лепехинских текстах наблюдаем несколько случаев смешивания букв „о“ и „е“, что нужно объяснить графической близостью к „е“ древне-коми буквы „о“ закрытое, но никак не „о“ открытого (см. азбуку). Эти слова следующие: чорыд, енолтамым, полтөс.

6. Фонема „й“ изображается той же буквой, что и „і“, хотя епископ Филофий, написав свое имя (Пилопий), точки поставил только над буквой, соответствующей русскому „й“. Но в остальных надписях буква „и“ без точек и „и“ с двумя точками наверху употребляются в одном значении. В надписях, приведенных Некрасовым, употребляется только „и“ с точками.

7. Фонема „е“ изображена двумя буквами (5-я и 25-я). Вторую букву называем „ять“, так как она похожа на русское „ять“ и в этом значении употребляется в над-

писях Некрасова. Г. С. Лыткин это древне-коми „ять“ читает то как „ie“, то как „е“, то как „ы“. Нужно читать как „е“; это видно из следующих слов, написанных через „ять“: регыд, вежа, велмӧссіс (два раза). „Ять“ с двумя точками действительно изображает „ie“, напр. „ѳн“ (три раза)=jen. Какая необходимость заставила ввести в коми алфавит „ять“, для меня не понятно. Вероятно, это произошло под влиянием русской орфографии—писцы, употреблявшие древне-коми буквы для письма по-русски вынуждены были изобрести новые буквы, которые имелись в русской азбуке и которых не было в стефановском алфавите. Так, например, в XV в. в письменах, приведенных Некрасовым, уже употребляются, кроме „ять“, еще особые „пермские“ буквы, соответствующие русским: х, ю я, ъ.

8. Звуки „в“ и „у“ изображаются как первой, так и второй, одними и теми же двумя буквами (20-я и 26-я). Чаще употребляется первая буква (употреблена 24 раза в значении „у“ и 19 раз в значении „в“), вторая буква в значении „у“ встречается только два раза (jukлыгӧн, јурбыртіс) и в значении „в“ 7 раз. Интересно отметить, что эта последняя буква (второе „у“) в значении „в“ встречается только перед гласными переднего ряда (вежа, велмӧссіс, верӧс, вііс и т. д.) и лишь один раз употреблена перед гласным не переднего ряда в русском слове Васук (Василий). Эта же буква (и только эта) употребляется в значении „в“ в надписях Некрасова, а первое „у“ там употребляется в значении „у“.

Второе „у“ употреблялось в древне-коми оригинале первой группы Лепехинских надписей так же в значении „у“ (или даже „ю“) и „в“ и притом в значении „в“ употреблялось так же, как и в древне-коми надписях, только перед гласными переднего ряда, а именно в след. словах: вежа, Павел, велјыс вестас, (два раза), вермы, вес, велмӧссіс, вісталис, велмӧстсін.

Возникает вопрос—не нужно ли там, где употреблено первое „у“ в значении (с точки зрения современного коми языка) „в“, читать за „у“ неслоговое. Что касается звука „в“ в конце слова и в середине перед

согласным, то здесь во многих коми диалектах он приближается к неслоговому „у“ или представляет удлинение предыдущего гласного. Так что, вполне возможно, что в словах Аурам, iу (Аврам, iв) имеет „у“ неслоговое. Может быть и перед твердым гласным было тоже „у“ неслоговое (уылын, уо́зза и т. д.), ведь в вотских диалектах мы, например, встречаемся с аналогичным явлением (уань, куать и т. д.). Это „у“ в значении „в“ все же встречается в следующих двух словах и перед гласными переднего ряда: вер, веры́д, верлы, vi.

3. Особенности древне-коми литературного языка.

В нашем распоряжении имеется около двухсот слов древне-коми надписей и 580 слов Лепехинского текста, так что дать более или менее подробную характеристику древне-коми литературного языка нет никакой возможности. Но все эти четыре памятника написаны единым диалектом и имеет ряд особенностей, отличных от современных коми говоров*). Характерными чертами является следующее:

1. Наряду с обыкновенным открытым „о“ имелась особая фонема — закрытое „о“: чом, во́зын, кодöс, со́j-исныс, ко́jд и т. д. Эта фонема в настоящее время в коми языке имеется только в верхне-сысольском говоре. (Некоторые следы имеются также в восточно-пермском говоре).

2. Относится к л-диалекту:**) ужал, ко́лдöм, кы́-асöи, вы́лті и т. д. Имеются только единичные исключения: бв, овзас.

3. В не-первом слоге „о“ (а не „е“): менö, мортöс, ту́jö, о́зöс, чомлöн и т. д. (в надписях до 50 случаев***)

*) Древне-коми тексты прилагаются к настоящему выпуску сборника.

**) На л-диалекте говорят Сысола, Луза, Верхняя Кама, Коса и др.

***) Так говорит Сысола, присыктывкарский диалект, Вым, Кама с исключением суффикса мн. ч., Луза, с исключением пад. суффикса ез, Удора, с исключением случаев перед палатальным согласным и Нижняя Вычегда, с исключением случаев после палатального звука.

Исключением являются два случая (в надписях): мзе= мезöse, ксе=крістосö.

4. В не первом слогѣ „ы“ и „і“ в общем употреб- ляются так же, как и в современных диалектах коми языка, *) напр.: дорын, пукыслу, воџын, сылыс, адџымыс, и т. д. выті, öті, пыщіс, соісныс и т. д.

В Лепехинских надписях мы наблюдаем избегание употребления „ы“ и „ö“ (вместо них употребляется „и“ и „е“) после палатальных согласных и гласных передне- го ряда, напр.: пііслы, ассім, аје, воџін, ачіс, öкьема и др. Это можно объяснить как влиянием другого диалекта (с таким явлением, напр., мы встречаемся в современ- ном нижневычегодском диалекте коми языка), так и вли- янием русской орфографии. Но наряду с такими напи- саниями имеются написания и с „ы“ и „ö“, напр.: велјыс, ајös, піös, уџысјасды, лолџом и др.

5. Koјd (а не коџ). В Лепехинских надписях соответ- ствующих слов нет.

6. В конце слова один ффрикативный (а не ффрикатив- ный плюс взрывной): адџы мыс.

7. Повелительная форма 2 л. ед ч. в глаголах с умень- шительными суффиксами оканчивается на ы: мылышты! (помилуй).

8. Глаголы во множественном числе имеют следую- щие окончания: 1 л.—лоамным, ескамным, келмамным и т. д.; 2 л.—сојадныд, мунадныд, сажкөдчаныд, төдадныд; кежідныд (прош. вр.) 3 л.—вајсасныс, кыласныс, также: петаныс, лолџаныс; соісныс, тырісныс, пондісныс, шіісныс, также: лојіныс.

9. В неопределенной форме окончание ныс (вм. ны): мыскыныс (мыть), вöјпныс, (сказать), кутныс (держать) и т. д.

10. Дательный падеж оканчивается на лу (а не лы, лö): сылу, пукыслу, нылу, тіјанлу, воөмјаслу и др. В Лепехин-

*) Исключением являеся современный верхне-вычегодский диалект, где в не-первом слогѣ всегда „і“; в нижне-вычегодском после палатального, а в удорском перед палатальным звуком в не-первом слогѣ всегда „і“, в камских диалектах перед „е“ имеем „і“.

ских надписях наряду с **лу** встречается также окончание **лы**, что следует объяснить влиянием других коми диалектов.

11. Окончание совместного падежа **кӧт**: **сыкӧт**, **ныкӧт**, **ајискӧт**, **пӧкӧт**, и др. Слова в этом падеже встречаются только в Лепехинских текстах.

12. Винительный падеж во мн. ч. оканчивается на **ды**: **мijанды** (нас), **уӟӧмјасды**, **уӟысјасды**. Слова в вин. п. мн. ч. встречаются только в Лепехинских текстах. (Ср. удмурт. **вал'ёсты** — лошадей).

13. Притяжательный суффикс 1 л. ед. ч. и суффикс звательной формы **ӧ** (а не **ӧј**): **чорыдӧ!** **ајӧ!** **јорд-јалӧмӧ** (мой суд). Эти слова встречаются только в Лепехинских текстах.

14. Словообразовательный суффикс наречия („деепричастный“ суффикс) **ыг** (а не **иг**): **пукыгӧн**, **јуклыгӧн**, **бос-тыгӧн**, **пыртыгӧн**.

15. В отрицательном глаголе повелит. формы гласная „**і**“ (а не „**е**“): **ін мун!** (не ходи), **ін пырт** (не вводи), **ід воміӟас!** (не дивитесь).

16. В отрицательном глаголе мн. ч. 2 лиц. имеется согласный элемент „**d**“: **ід воміӟас** (не дивитесь), **мед од тӧждӧ** (да не скорбите; примеры из Лепехинского текста).

17. Суффикс мн. ч. имен существительных **јас**: **сін-јасӧн**, **һаӟјас**, **кылјасӧн**, **кылјассӧ**, **уӟысјас** и др. В надписях имеется одно исключение (ударская форма): **мӧсјас** (коровы).

18. Суффикс отглагольных существительных **ӧма** (а не **ӧм**): **кулӧмајас** — мертвые, **уӟӧма** — спавший. **ӧксе-ма** — соборный. (Примеры из Лепехинского текста).

19. Окончание 3 л. ед. ч. неочевидного прошедшего времени **ӧм**: **летчӧм** (спустился), **каӧм** (вознесся), **чужӧм** (родился).

20. Суффикс сравнительной степени **жӧг** (или **жыг**): **воӟінжӧг быд немјас кінӧа** — раньше всех веков.

21. Отдельные слова, отличные от современного коми литературного языка в отношении фонетики: **абул** (нет), **пӧј** (сын), **каӧм** (вознесся), **келмамным** (молимся), **куӟі** (как), **куӟкӧ** (как то, как-нибудь), **сег** (затем), **воӟдор** (прежде, раньше), **ін**: **јен чужтыс інӧс** (богородицу), **ны-**

лу (им), ныкӧт (с ними), ны дорын (около них), воҗча (навстречу), луншурӧ (в полдень), журбыртис (поклонился), шиіс (сказал), дынын (около), ві (масло), пугтіс (положил), ӧдгӧт (одинаково), вііс (посмотрел), адзымыс (увидевши), термӧдгы (торопись), кук (теленок), пыс (мука), ӧш-ӧс (быка), ӧт інын (вместе).

22. Особые слова и слова с особым значением: быд-ӧн—весь (быдӧн картаыс—весь дом), вӧјпныс—говорить, вежа—святой (вообще), карта—дом, вылті (мимо), пыш-јіс—побежал, верӧс—мужчина, вер—раб, мылсалӧмјас—оставшиеся (в живых люди), ужалны—делать, ужалыс—творец, ужалтӧм—не сотворен, кушӧмкӧ—как, яко, вӧјпантӧм—непорочная, ордјалтӧм—бессравнения; мы-лышты—помилуй, мезӧс—господь, туӧм—принесенный, (хлеб, масло), кежтӧмыс—внезапно, кежала—жду, ке-жасан—надежда, велмӧссіс—явился, показался, вел—не-бо, полтӧс—дух, дуновение, vormӧдчыны—получить дар слова, сажкӧдчыны—прохлаждаться, піл—облако, іна вес-тас—вправду; вулзыны—бросить, вес—правдивый, справедливый (суд), кан—царь, каналан—царство, цар-ствование, еска—верую, велтыдаланін—небо, бурдла до-рын—на правой стороне, ӧксема—соборная, мылӧм—милость, кінја—сравнительный послелог: воҗынжык быд немјас кінја—раньше чем все века; ворјасан—искушение, варкӧс—лукавый (чорт), час—миска, војтыр—народ, щӧщкӧ—но.

23. Употребление отдалительного пад. вместо исходного: матыд сылыс (в современном коми языке матын сыыс); ыв тујӧ, кодудлыс... (совр. ылі тујӧ, кодыс...), мын-ты варкаслыс—избави от лукавого, југыдлыс југыд, светлее светлого; употребление род. п. вместо именит. в роли определения: ас чомлӧн ӧӧс дорыс (в соврем. языке: ас чом ӧӧс дорыс)—от двери своей палатки. В современном коми языке мне неизвестны такие оборо-ты речи, так что есть некоторое основание считать их за руссицизмы, тем более, что в отношении синтаксиса в надписях имеется много несвойственного коми языку (см. следующий пункт), но с другой стороны аналогич-ные обороты речи имеются в вотском языке: солэн пар-

таяз — в его парте, соослэн гур съобразы — за их печкой, бодыләсь чурят — тверже палки и т. д.

24. Русские обороты речи в виде пословного перевода с русского (то же расположение слов): *öžös वोžын чомлөн сылөн* (в соврем. языке: *sižö чом öžös वोžын*) — пред дверями палатки своей; *вајсасныс ыанјас* — принесутся хлеба. Сюда же повидимому нужно отнести и употребление придаточных оборотов: *ыв тујö, кодыдлыс...* — в дальнюю дорогу, от которой;.. *жöl, кук, кодös дагтис* — молоко, теленка, которое (что) приготовил; *картаös, кытөн* — дом, где... Хотя, впрочем, придаточные обороты употребительны и в современных коми диалектах.

25. Частое употребление союза „*i*“ — в одних надписях встречается 14 раз. У Г. С. Лыткина была предвзятая мысль, что миссионер Стефан не позволял себе руссизмов, потому он каждое „*i*“ относил предыдущему слову, потому у него получаются слова, как *ордöi*, вместо *ордö i*, *бурöci* вместо *бурös i*, *воžынi* вместо *воžын i* и т. д.

4. К происхождению древне-коми литературного языка.

Теперь вопрос: к какому же говору современного коми языка стоит ближе древне-коми литературный язык? Безусловно, язык этих древних памятников письменности ближе стоит к северным диалектам коми языка, т. е. н. в. — вым. — иж. — уд. диалектам. Чертами, характерными для северных диалектов, являются следующее: *куз* (как?) — сев., *пышјис* — сев., *возча* — н. в., иж., *сајкөдчыны* — н. в., глагольные окончания *-на ныс* (вм. *ны*): *пондисныс* и др. (см. п. 8—9) — иж., личн. местоим. 3 л. мн. ч. *ны* — иж., уд., *адзымыс* (см. п. 6) — иж., вым., отрицательный глагол *in* — сев., *којd* (п. 5.) — сев., *пукыгөн* (п. 14) — н. в., вым., иж., *каöm* — сев., *мијанды* — уд. (см. п. 12), *вöјпны* — (сказать) — иж., *сыкöt* — уд. (см. п. 11), *пil* — уд., *час* — уд., *ina* — н. в.. Из северных диалектов ближе стоит к черте, отмеченной в п. 3, вымский диалект, а к черте, отмеченной в п. 4 — вымский и ижемский диалекты.

Таким образом язык письмен ближе всего стоит к северным говорам коми языка и наиболее близко к вым-

ско-ижемскому диалекту.*) Это и понятно. Из жизнеописания миссионера Стефана, написанного его другом Епифанием, мы знаем, что Стефан свою деятельность сосредоточил на Нижней Вычегде, в тогдашнем центре Устьвыме. Повидимому, Стефан взял за литературный язык говор этого, нижевычегодско-вымского района.

Но все же нельзя сказать, что вымско-ижемские диалекты, будучи относительно близки к языку разобранных надписей, являются прямым продолжением древнелитературного коми языка, так как все же имеется лицо между ними существенная разница. Нужно предполагать, что древнелитературный коми язык (будь то говором селения Устьвыма или какогонибудь другого места Нижне-вычегодского края)—это был особый диалект, отличный от других диалектов коми языка, но наиболее близко стоявший к вымскому говору. Этот древнелитературный говор был ассимилирован, с одной стороны, наплывом с низовья Вычегды русской колонизационной волны (первое коми селение в XIV веке был Котлас), с другой стороны—представителями вымского и удорского говоров, переселявшимися в современные коми сельсоветы Устьвымского района обл. Коми. Писцовая книга „Еренское городище“ 1608 года ясно указывает на то, что в то время низовье Вычегды было населено весьма редко по сравнению с Вымом и Удорой: отношение (по количеству) коми населения нижней Вычегды, Устьвымского р. к вымскому и удорскому населению в 1608 году было, как 1:1:1, а теперь отношение количества населения этих участков коми края выражается $3\frac{1}{4}:1:1\frac{1}{2}$,—словом, увеличение населения нижней Вычегды происходило в три раза быстрее, что, конечно, нужно объяснить в значительной степени притоком жителей Выма, Удоры и т. д. Нужно полагать, что низовье Вычегды колонизировалось представителями вышеупомянутых районов и до 1608 г.

*) Ижма была колонизирована со стороны Выма уже в историческое время—во второй половине XVI века, поэтому в вымском и ижемском диалектах много общих черт.

Каждый территориальный диалект является пережиточно-социальным диалектом. К языку нужно подходить „как к социальной организации с различными классовыми или пережиточно-классовыми языками, классово отлившимися более или менее полно, но не вполне, в те или иные местные пределы в процессе смены господства одного социального слоя другим“ (Март Н. Я. „Первая выдв. экспед. по обследов. мариев, 38). Таким образом здесь мы наблюдаем смену одного пережиточно-классового диалекта другим пережиточно-классовым диалектом.

Теперь перед нами вопрос: кто-же, какой социальный слой являлся творцом и носителем этого, уже, повидимому, в то время территориального говора, сохранившегося в древне-коми письменах? Прежде всего посмотрим, с какими говорами сходятся те специфические особенности древне-коми литературного языка, которыми они отличаются от вымского диалекта (см. п. п. 1, 2, 8, 9, 10, 11, 12, 16, 19, 20). Здесь поразительное сходство мы видим с восточно-камским диалектом, на котором в конце прошлого столетия говорила только одна Верх. Язвинская вол., находящаяся к востоку от Чердыни. С этим диалектом сходство в следующих пунктах: 1, 2, 3, 8, частично 13, 16, 18, 19, 20. Кроме того в восточно-камском диалекте в дат. п. возвратного местоимения имеем окончание **лу**, как и в древне-коми литературном языке (п. 10): **аслум, аслут, аслус, аслунім, аслуніт, аслуніс**.

Древне-коми литературный язык совпадает с восточно-пермским диалектом во многих отдельных словах, напр.: **обёл** (нет), **куз** (как), **ін** (женщина), **вöјпыны** (сказать, вi (масло), **кiна**:—**ыжыджіг сі кiна**—больше чем он и др.

Язык надписей имеет также много общих черт с верхне-сысольским говором. Они сходятся в следующих пунктах: 1, 2, 3, 4, 6, 8 (частично: **муніныс**); 17, и 19.

Таким образом эти три диалекта (вс. вкм. и диалект древне-коми письмен.), находящихся в противоположных уголках Коми края, имеют ряд общих черт (1, 2, 3, 8, 19), важнейшие из которых имеются только в этих диалектах, напр: наличие фонемы закрытого **о**, окончание **ныс** (прав-

да, последнее присуще также ижемскому говору). Никакая теория переселений не может объяснить наличие этих общих черт, ибо: 1) эти диалекты территориально разделены многими сотнями верст, 2) представители каждого из этих диалектов по крайней мере с XIV—XVI вв. живут уже на своих местах. В более раннюю эпоху носителем этих трех диалектов, конечно, был один социальный слой. Трудно сказать, какой слой населения и в какой обстановке выработал эти общие моменты, наблюдаемые в вышеупомянутых трех диалектах. Интересно отметить, что современные археологи, специалисты по финно-угорской археологии (напр. т. Смирнов) на основании археологических данных выдвигают теорию о существовании раннего феодализма у восточных финнов, который (феодализм) датируют, напр. для северных вотяков, 9—14 веками. Если эту теорию считать достоверной, то нужно полагать, что и у северных соседей вотяков, у коми, феодализм существовал приблизительно в этот же период времени, т. е. с 9—10 веков до покорения коми края русским государством. Исторические данные подтверждают существование князьков у коми (князья удорские, вымские и т. д.). Знаем также, что эти феодальные князьки были уже объединены и образовали в Прикамье довольно сильное княжество — Пермь Великую, которая была покорена Москвой в 1472 г. Кроме того в языках восточных финнов имеются термины для князя (коми — оксы, удм. — эксе́й, морд. — иньазор и др.). Все это подтверждает теорию о существовании феодализма у восточных финнов, выдвинутую археологией. Правда, здесь развитию феодализма был нанесен сильный удар появившимися на востоке Европы кочевниками, прервавшими оживленные торговые сношения финнов с Востоком. Но феодализм у восточных финнов, в данном случае у Коми продолжал развиваться вплоть до покорения их Москвой.

За такой продолжительный период существования у феодалов, естественно, мог выработаться особый социальный диалект. Теперь, напрашивается вопрос: не являлся ли древне-коми литературный язык языком феодалов? Во всяком случае имеется намек, что являлся.

В XIV—XV в.в. у коми повидимому были два центра: на Вычегде и на Каме. Нужно полагать, что здесь жили князья, воеводы и вообще все те, кто занимал господствующее положение.

Возникает вопрос: не является ли язык стефановских писем их языком? С другой стороны мы знаем, что в XV в. на Каме в том районе, где сохранился вышеупомянутый восточно-камский диалект, был центр (Чердын, Изкар, Покча и др. города) Великой Перми и там жили великопермские князья, словом, представители (вернее определенный слой их) диалекта этого района занимали господствующее положение. Не является ли современный восточно-камский диалект остатком диалекта господствующих слоев населения Перми Великой? Если сделать такое предположение, то легко можно будет понять происхождение этих трех диалектов — они являются пережитками языка того социального слоя феодалов, который занимал некогда (на сотни лет раньше 14 в.) господствующее положение по отношению остальных слоев коми народа. Вот почему носителями этого говора были центры Коми края и с упразднением (после подчинения Москве) этого класса во главе с князьями и воеводами начал исчезать и этот диалект. В настоящее время на этом диалекте говорит только два процента населения коми. Пережиточно-классовый диалект нижней Вычегды вытеснялся вымским и удорским диалектами, а диалект господствовавшего класса Перми Великой — более южными камскими диалектами и русским языком. Так можно представить смену этих диалектов коми языка.

Парне-девичий условный язык у коми.

(Заметка).

Этнографами отмечено, что ряд племен и народностей имеет в своей среде условный язык наряду с обычно-разговорным. В России известен особый жаргон, воровской язык, построенный, главным образом, на синонимах. Виктор Гюго в своем романе „Последний день смертника“ (гл. V) сообщает о воровском языке во Франции. Когда остяки убивают медведя, называют ружье палкой. В последнем случае мы имеем дело с охотничьим языком. Имеется такой же язык у ряда народов Кавказа.

В охотничьей практике у коми случается: медведя называют стариком, майбыр. Медведь, по мнению коми охотников, понимает язык человека. Поэтому, встречая берлогу, охотники говорят: „абу, абу“ (нет, нет медведя) и пр.

Но совершенно особый интерес представляет язык молодежи, который я наблюдал в 1916 г. в с. Гаму на Вычегде, в Арабаче, Айкине.

В 1924 году я записал вариацию такого языка в с. Онежье. В 1926 г. я записал несколько образчиков в д. Кебыр-Ыбе (Гам. вол.).

Принцип построения такой речи основан на разложении слова на слоги и вставке какого-либо словечка, частицы, не имеющей никакого самостоятельного значения, в слово. Таковы частицы — ра, ру, жу, зу и т. д. При помощи одной из этих частиц ведется „секретный“ разговор. Его понимают лишь одни говорящие лица, между собою заранее условившиеся. Но, как скоро этот язык станут понимать остальные парни и девушки, придумывается новая частица.

ХРОНИКА.

Вопрос латинизации коми и удмуртского алфавитов.

Партийные и общественные организации Коми и Удмуртской областей решили перейти со своих узконационалистических алфавитов на унифицированный алфавит на латинской основе и обратились Всесоюзному Центральному Комитету Нового латинизированного Алфавита при Президиуме ЦИК СССР с просьбой разобрать проект унифицированного алфавита для этих народов. При ВЦК НА в середине января 1931 г. была организована специальная комиссия для выработки проекта алфавита, которая и выработала нижеприлагаемый проект. Здесь кроме этого проекта алфавита мы прилагаем еще Постановление Пленума ВЦК НА. Окончательное принятие алфавита будет на коми-удмуртской конференции.

Постановление Пленума ВЦК НА о реформе коми-удмуртских алфавитов.

1. Переход к реконструктивному периоду, развернутое социалистическое наступление рабочего класса, выкорчевывание корней капитализма в нашей стране, ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства, огромный рост культурно-политической активности широких трудящихся масс, усиление темпов реализации ленинской национальной политики требует решительного перелома в деле развития национальной по форме и пролетарской по содержанию культуры.

2. Существующий алфавит коми-удмуртских народов, являющийся несколько кустарно-видоизмененным после революции

миссионерски руссификаторским алфавитом, ни в какой мере не соответствует как в идеологическом, так и в техническом отношениях периоду развернутого наступления социализма повсему фронту.

Несоответствие алфавита выражается в следующем:

- а) в расхождении произношения с начертанием (удм.),
- б) совершенном отсутствии букв для некоторых звуко-фонем (удм.).
- в) в изобилии надстрочных знаков, чрезвычайно затрудняющих как чтение, так и письмо.

Оба алфавита являются узко-националистическими (употребляются только у этих народов, при этом, несмотря на абсолютное фонетическое тождество коми-удмуртских языков, каждая народность имеет свой алфавит) и поэтому затрудняющими культурное общение народов и создание технической базы для них (изготовление шрифта, механизация набора и т. д.).

Ввиду такого несовершенства алфавита развитие национальной культуры не развертывается в соответствии с темпами хозяйственного строительства страны (медленный темп ликвидации неграмотности и малограмотности, чрезвычайная трудность проведения обучения грамоте на родном языке, отсюда и недовольство масс существующим алфавитом и т. д.) и отсюда реальная угроза невыполнения решений X Съезда ВКП(б), догнать ушедшие вперед народы Центральной России". Дальнейшая затяжка реформы существующих алфавитов еще более усугубит эту опасность и затруднит проведение реформы.

Исходя из имеющихся соответствующих решений партийных, общественных и советских учреждений и организаций Вотской и Коми Автономных областей и Коми-Пермяцкого округа Уралобласти и исходя из требований широких масс трудящихся означенных национальностей о реформе алфавитов, Президиум ВЦК НА РСФСР и Финно-Угорская Комиссия ЦК НА постановляют:

1. Перейти с существующего алфавита коми-удмуртских народов на новый унифицированный алфавит, создав для таких народов единый алфавит, исходя из единого унифицированного алфавита народов СССР.

2. Создать коми-удмуртскую подкомиссию при ЦК НА.

КОМИ-УДМУРТСКИЙ АЛФАВИТ

составленный особой комиссией и принятый на пленуме ВЦК НА при Президиуме ЦИК СССР.

Аа А а а	Вв В в в	Сс С с с	Ҫс Ҫ с с	Ӣс Ӣ с с, ӓ	Дд Д д д, ґ
Ее Е е е, ӓ	Өө Ө ө ө	Ғғ Ғ ғ ғ	Гг Г г г, ґ	Ии И и и, ӓ	Јј Ј ј ј, ӓ
Кк К к к	Лл Л л л	ӢӢ Ӣ ӓ ӓ, ӓ	Мм М м м	Нн Н н н	Оо О о о
Рр Р р р	Рр Р р р	Сс С с с	ӢӢ Ӣ ӓ ӓ, ӓ	Тт Т т т, ӓ	Уу У у у
Вв В в в	Хх Х х х	Зз З з з, ӓ	ӢӢ Ӣ ӓ ӓ, ӓ	ӢӢ Ӣ ӓ ӓ, ӓ	ӢӢ Ӣ ӓ ӓ, ӓ

*) Научным Советом ВЦК НА в апреле с/г., прилагаемый алфавит одобрен, но внесено изменение в начертании последних

3. Считать необходимым скорейшее утверждение проекта алфавита, приурочив таковой к 10 годовщине Удмурт. Автоном. Области (февраль 1931 г.)

4. Поручить комитетам нового алфавита Коми и Удмурт. Автоном. Облостей и Коми-Пермяцкого Округа разработать ряд практических мероприятий по внедрению в широкие массы трудящихся нового алфавита.

5. Просить Президиум Совета Национальностей Союза ССР ускорить разрешение данного вопроса. *)

6. ЦК НА РСФСР включить в бюджет 1931 г. субсидирование перехода на новый алфавит коми-удмуртских народов.

7. Просить ЦК НА РСФСР отпустить комитетам нового алфавита Удмурт. и Коми Автоном. Облостей и Коми-Пермяцкого Округа необходимые средства на созыв широкой конференции по новому алфавиту и издание учебников по ликвидации неграмотности и малограмотности по новому алфавиту.

Поручить коми-удмуртской подкомиссии в однодневный срок выработать окончательный алфавит для коми-удмуртских народов.

Поручить проф. Яковлеву, Иванову и Лыткину в однодневный срок составить подробную обоснованную докладную записку о реформе коми-удмуртского алфавита в Совет Национальностей Союза ССР.

16 января 1931 года. Москва.

двух букв, а именно: предпоследняя принята в виде русского з, а последняя в виде з со значком снизу. (Выработка окончательной графической формы дополнительных значков для палатальных согласных и щ поручена полиграфической комиссии).

*) 25 апреля с/г. Президиум Совета Национальностей Союза ССР вынес постановление в положительном смысле.

Заплатите, так квиты будет (будем). 50 руб. заплатили. Оттуда ушли они.

Давай к Ваньке итти. Как вроде того шляпой обманул Ванька то попов. Бить идут. Зашли попы в Ванькину избу и спросили у его жены: где де твой Ванька? Ванька лег на лавицу и покрылся белым холстом.—Вот смотри, Ванька-то умер—говорит его жена. У Ваньки то был крест в божнице. Крест они взяли, давай Ваньку бить, ударять. Сначала как ударил—Ванька сразу (же) прыгнул на пол. Вот попы раззарились на этот крест.—Продай де ты крест нам.—Нет де. Как де продам я крест.—Продай де, почему не продать?—Ну ладно, покупайте де.—Много ли де просишь?—300 рублей. И вот отдали 300 руб.

Слыхали они будто в Москве человек помер. И вот они билет купили. Поехали в Москву. Они сказали его (покойника) знакомым: мы де сможем воскресить мертвого.—Давай воскреси де, если можешь. Попы крестом ударяли, ударяли — человек не воскрес. Попов (за то), почему (они) не воскресили, в тюрьму посадили.

Записано В. И. Лыткиным в июне 1928 г. от парня лет двадцати, в д. Бебера.

Кочеве.

(Коми пермяцкий округ).

7. Ізасовöј сар.

Важын кузьнеч вөлöма. Кузьнеч гозјалöн некин абу вөлöма
Іныс некин абу вайлöма. Ладно. Етіја кузьнеч кајас гуна дорö
ізасла. Вөл бергöтас, дод лөгöтас і віла бостас, öнжа керас,
пондас вöрачајтны ізас. Сеччинсаң горöччас: „Менö ен бышкы—
ізас пышкың байтö. Кузьнеч пондас байтны: „мыј ещöмыс, кін
сеччин“. Кутас кузьнеч, пондас жагöникöн гарјыны ізас. Ладно.
Час гарјас ізас, петас кага. Кузьнеч сесга оз понды гарјыны ізас.
Кага бостас і марш сесга кага лечöтны гортö. Лечöтас гортö,
кöзајкаыслö ыксö: „кöзајка, кöзајка!“ Кöзајка петас: „мыј теј-
ыт?“—„Вот ме кага азгі ізас стогіс“. Кöзајка кага пыртас кер-
куö, горвылö лептас шонытінас і пондас быттыны. Радöс ещöм,
што нылöн кага ем і пондасö быттыны.

Бытасö і бытасö — öтi гöд быттöны і мöді гöд быттöны—
быдмас корошеј кага; пондас котрасны. до шесті лет лы мыль
сеччинка быдмас і пондас шуны детіна, што, аја, менö сет шко
лаö. Ајмам школаö сетасö; школаын пондас велöччыны. Гöд јещ
велöччас. Потом, велöччасö, велöччасö — лезасö школаіс на
öбед-лы мылы і учениккеслö шуö етіја кузьнетскöј сын: Вот-пö
тіјö учениккес—сколько сіја учеников ог тöд вөлöмас,—кажнöјлö
кіјас сетöм ізас тылöп і вот і шуö, щöктö шуны учениккесö:
горі-пö соломенка, öзјы ізас тылöп, öзјы. Ніја ыксöны: „öзјы ізас
ылöп, öзјы ізас тылöп“—кажнöјыс шулö. Потом пондас детіна
шуны: „тіјö дүгдö, ізас тылöппез тіјан кііс ез соччö“. Нылöн не-
кінлөн ез соччö. Вот ме-пö понда ыксыны,—ачыс віö кіјас ізас
тылöп. Вот і сіја пондас шуны: вот кызö, менчім віöтöте етіјö

іңас тылөп, што-пө мејан кіјам. Ніја пондасө віқөтны. Но вот ме-пө понда ыксыны өні. Но, іңас тылөп-пө соччы—сіја шуас. Іңас тылөп токо пык! Ніја шајпај вajasө,—мыј сешөм, іңас тылөп сылөн токо пыкытөм і соччөм.

Вот і бөра велөччөны, бөра мөдік лунө кajasө велөччыны. Мымда велөтас ніјө учітель, бөра леңас. Вөлөм ју сетөнка. Ју дорө леччасө—нуөтас куңечлөн зоны. „Но, робјата, давајте шуллө, што река стој, река стој“. Ніја шулласө, шулласө—ва өө візылтө. Куңнетскөј сын бөра шуө: „тіјө, робјата, өні дүгдө, а ме понда ыксыны“. Ыкөстас:—„Река стој!“—ва останөйтса, і ніја бөра шајпај вajasө, што за етө чудо. Ва сулалө, дүгдас візылтны.

Учениккөз мунасө гортө, ајмамлө шуөны: вот кущөм ем міјан ученик і вісталасө ајмаммеслө бытсөн, мыј сіја мыччаліс нылө. Сіја-пө віднө тіјанга дошлөјжык, дошлөј. віднө. Потом куімөт лунө кajasө велөччыны. Велөччасө. Учітель после леңалас ніјөс. „Но кін вермас төл султөтны? Ыксө—вітер стој!“ Учениккөз кажнөј ыксөны — „вітер стој!“, но кычө, сіја вітер батүшко пушше ішө дүјот. „Ноко тіјө дүгдө, бөра ме понда“—шуө куңнетскөј зон. Скажот — „вітер стој, вітер стој!“—вітер дүгдас. Бөра дивуччөны.

І вот сіја велөччас і школаіс петас. Школаіс петас і олө гортас, өө гумагаез, кыгаез лыдөдөтө, лыдөдөтө і лыдөдөтө. Но сетөн пондөма іңка кіја ызынөн ізны і пондас гортө мунны. друг төл лебас. Төл лебас і чуманіс бытсөн пің төл нөбөтас. Вот беда, сојны гортын ңем; раз сојны колө, а пің нөбөтіс төл. Сіја етіјөн чуманөн мунас гөсүдар дынө. Госүдар дынө мунас, пырас і пондас госүдарлө жалуччыны: вот, шуас, ме кіјөн ізі, ізі—төл лебіс, менчім пің бытсөн нөбөтіс, што сојны ңем. Сар дүмајтас, дүмајтас, кың мыј сүдітны, төлкөд ед кың сүдітны і пондас сар баітны, што төллө ме ңекың сүдітны ог вермы. Вот, што, значіт етіја ем-пө куңечлөн зон дошлөј, давајте-де вaјөтө таччө. Куңечліс зон вaјөтасө. Госүдар пондас шуны, што іңкалөн пің төл нөбөтөм чуманіс, што верман он төллө сүдітны — куңнетскөј сынлө баітө. І потом куңнетскөј сын пондіс баітны, вот согруді, говоріт купцов. Госүдар грудітас купеччез уна. Купеччезлө грудітас. Купеччез грудіччасө і пондас госүдар куңнетскөј сынлө баітны: „јесмы начајешша төлкөт сүдіччыны, дак сүді“. Куңнетскөј сын і баітө: давај госүдар асөіт корона; сөтан-кө корона; понда-пө

судитны, сытѡг-пѡ меным нелѣа. Государ сетас. Пасталас кузнетскѡй сын і байтѡ: „но купеччез, тїѡ ета времѣаѡ тѡл коріт едѡ?“. Купеччез шуѡны—корім. „Но, ладно, коріт, дак давајте деѣга течѡ іѣкалѡ чуманѡ“. Купеччез голѡтѡны течѡны деѣга. Течісѡ. Кузнетскѡй сын байтѡ іѣкалѡ: „мун гортѡ, ета деѣга вылѡ боѡ базаріѡ піѣ, вот і лоас тенат піѣ“. Мунас, гортас, бѡстас базаріѡ піѣ, ѣаѣ пѡжалас і пондас сојны.

Пондас государ шуны кузнетскѡй зонлѡ: „давај вылѣіт чѡлт корона!“ Сїѣ пондас шуны сарло: „но вот те сѡлѣы жоѡас, да ноко верман-ѣа бѡр ѣулны жѡѡсіс сѡлѣѡмтѡ; верман-кѡ, дак і сарскѡй корона сета,—ѡя вермы і сарскѡй корона ѡг сет“. Сар думѣјтас, думѣјтас... ед государлѡ страѡ сїѡ думѣјтны — ѡз вермы сѡлѣѡмсѡ ѣулны. Вот і кузнетскѡй сын лоас іѣасѡѡй сар.

Записана со слов Алексея Спиридоновича
Пыстогова в 1928 г., Гр. А. Нечаевым.

Соломенный царь.

Давно жил-был кузнец. У кузнеца с супругой никого не было. Жена кузнеца никого не рожала. Хорошо. Кузнец раз поедет на гумно по солому. Лошадь своротит, сани направит, вилы возьмет и начнет ворочать солому. Оттуда (из соломы) отзовется:—„Меня ѣе проткни“,—из соломы (кто-то) говорит. Кузнец скажет: „Что такое, кто там“. Возьмется кузнец, начнет по легоньку рыть солому. Ладно. Недолго пороет солому, выйдет (появится) дитя. Кузнец после этого не станет больше рыть солому. Возьмет это дитя и сразу тащить дитя домой. Принесет домой и кричит хозяйке: „хозяйка, хозяйка!“ Хозяйка выйдет: „Что тебе?“,—„Вот я нашел дитя в соломенном стогу“, Хозяйка внесет дитя в дом, положит его в теплое место на печи и начнет его воспитывать (ростить). Радость такая, что у них имеется дитя и начнут расти.

Ростят и растут—один год растут, второй растут—вырастают хорошее дитя; бегать начнет. До шести что-ли лет вырастет и станет говорить, что, отец, отдай меня в школу. Родители отдадут в школу; в школе начнет учиться. Около года проучится. Затем, поучатся, поучатся—отпустят из школы

обед что-ли и кузнецкий сын говорит ученикам: вот, дескать, ученики—сколько учеников тут было, не знаю—каждому муки даст по соломинке и попросит говорить ученикам: гори-соломинка, гори соломинка. Они кричат: „гори соломинка, гори соломинка“—говорит каждый. Затем „детина“ скажет: „вы перестаньте, соломинки в ваших руках не горели“. У них ни у кого не горели. Вот, дескать, я начну кричать,—сам держит муку соломинку. Вот он и станет говорить: „вот слушайте, потрите мою эту соломинку, которая в моей руке.“ Они начнут тереть. Ну вот, сейчас, дескать, я начну кричать: „ну, соломинка гори, дескать“,—он скажет. Соломинка вдруг вспыхнет, и удивятся,—что такое, соломинка у него вспыхнула и рела.

Вот опять учатся, опять на другой день пойдут учиться. Только поучит их учитель, опять отпустит. Вблизи находилась река. Спустился к реке—поведет сын кузнеца. „Ну ребята скажите говорите, что река стой, река стой“. Они говорят, кричат—вода все течет. Сын кузнеца опять говорит: „вы, ребята, сейчас перестаньте, а я буду кричать“. Вскрикнет: „река стой!“—вода остановится и они опять удивятся,—что это за вода. Вода стоит, перестанет течь.

Ученики пойдут домой и говорят родителям: вот какой ученик у нас ученик—и расскажут родителям все, что он им показал. Он, повидимому, дескать, мудренее вас, повидимому, дошли. Затем на третий день пойдут учиться. Проучатся. Учитель только их отпустит. Ну кто, дескать, сможет остановить ветер. Скажите:—„ветер стой!“ Каждый ученик кричит: „ветер стой!“—куда там, он, батюшка, ветер еще сильнее дует. „Ну-ка вы перестаньте, опять я начну“—говорит сын кузнеца. Скажет ветер стой, ветер стой!“—ветер остановится. Опять удивляются.

И вот поучится и окончит школу. Школу окончит и живет дома, все бумаги, книги читает, читает и читает. Ну, тут (раз) женщина начала молоть ручным жерновом и (затем) пойдет до реки. Вдруг поднимется ветер. Ветер поднимется и из (ее) лукошка всю муку сдует. Вот несчастье, дома есть нечего; можно поесть, а муку ветер сдул. Женщина с этим лукошком идет к государю. К государю придет, войдет и начнет жаловаться: вот, говорит, я молола, молола руками—поднялся ветер сдул мою муку сдул, что есть нечего. Царь подумает, поду-

мает как судить, как судиться с ветром и начнет говорить царю: что судить ветер я никак не могу. Вот, дескать, есть у кузнеца сын дошлый, так давайте приведите его сюда. Сына кузнеца приведут. Станет государь говорить, что у женщины из лукошка муку ветер сдул, что можешь нет судить ветер—говорит сын кузнеца. Затем сын кузнеца станет говорить, вот собери, говорит, купцов. Государь соберет много купцов. Соберет купцы. Купцы соберутся и станет говорить государь сыну кузнеца: „если сможешь судиться с ветром,—суди“. Сын кузнеца и говорит: „отдай государь свою корону; если отдашь корону, буду судить, без нее, дескать, мне нельзя“. Государь отдаст. Наденет сын кузнеца корону и говорит: „ну, купцы, вы в это время просили нет ветер (быть ветру)?“ Купцы отвечают: „просили“.—„Ну, хорошо, просили, так давайте ложьте деньги лукошко женщины“. Купцы звякают, ложат деньги. Наложил. Сын кузнеца говорит женщине: „иди домой, на эти деньги купи на рынке муку, вот у тебя и появится мука“. Пойдет домой, купит на рынке муку, испечет хлеб и будет кушать.

Станет говорить государь сыну кузнеца: „давай сними себе корону!“ Он (сын кузнеца) скажет царю:—„Ну вот плюнь на пол, так сможешь-ли с полу слизать плюнутое—если сможешь, так и царскую корону отдам, не сможешь—царскую корону не дам“. Царь подумает, подумает.., ведь государю страшно подумать об этом—не может слизать выплюнутое. Вот и сын кузнеца будет соломенный царь.

От этого же Ал. Спиридоновича Пыстогова записана следующая русская (?) сказка или присказка:

Ванька пошел по воду,

Нашол чашку, солоду.

Замешал колáшку.

Посашкам стояла.

Дякон пришол;

Се колáшку снякон,

Пошел на полáте

Дэфки челоváте.

Дэфки тотáрки

Сызыли по пáлке.

Дуга мýжык зáгибат.

Дуга лiповая.

Шáпка плiсовая.

Искал, йскал нé нашол

Зáплакал, зáушол.

Сударушки дóсашол.

Сударушки дóма нет,

Одна кúричка ребат,

Перелóмана ногак.

Коноплё трешшыт

Воробей пишшыт

Ултат дри...

Сесса абу.

Лето 1928 г.